

и скандинавская линия

СТАЙНТОР
РАСМУССЕН

СМЕРТЬ ПРИХОДИТ В КЛУБ ВЯЗАНИЯ

18+

Скандинавская линия «НордБук»

Стайнтор Расмуссен

Смерть приходит в клуб вязания

2016

УДК 821.113.2-31
ББК 84(4Фар)-44

Расмуссен С.

Смерть приходит в клуб вязания / С. Расмуссен —
2016 — (Скандинавская линия «НордБук»)

ISBN 978-5-907358-58-4

Шесть женщин из небольшого фарерского городка Норвуйк, знакомые друг с другом со школьной скамьи, периодически встречаются, чтобы провести время за вязанием и обсуждением новостей. Однажды они получают страшное известие: в старом доме на окраине города был найден труп хорошо знакомого им 42-летнего мужчины. Жители городка напуганы, полиция немедленно начинает поиски убийцы. Стайнтор Расмуссен (р. 1960) – известный фарерский музыкант, автор песен, поэт и писатель. Получил признание как автор сборников рассказов, стихотворений и книг для детей. В 2016–2019 гг. выпустил серию из пяти детективов, первый из которых – «Смерть приходит в клуб вязания» – перед вами.

УДК 821.113.2-31

ББК 84(4Фар)-44

ISBN 978-5-907358-58-4

© Расмуссен С., 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	38
-----------------------------------	----

Стайнтор Расмуссен

Смерть приходит в клуб вязания

Роман

Steintór Rasmussen
Deyðin fer í bindiklubb

* * *

© Steintór Rasmussen, Deyðin fer í bindiklubb, 2016
© Sprotin, оформление обложки, 2016
© А. Мельников, перевод на русский язык, 2021
© ИД «Городец», издание на русском языке, оформление, 2021

* * *

Она незаметно проникла в дом. Открыла блестящий на свету замок и быстро прошмыгнула через кухню в холодную столовую. Сюда уже много дней никто не входил. Здесь она почувствовала себя немного уверенней. Глаза быстро привыкли к темноте. Посветив фонариком, она нашла настольную лампу, свет которой был ей необходим. Включать люстру не входило в ее планы, ей не хотелось привлекать внимание незваных гостей. Она открыла раздвижную дверь и зашла в гостиную.

Провела рукой по перегородке, нащупала выключатель и зажгла лампу, осветившую небольшое пространство под абажуром табачно-желтого цвета. На нее мертво смотрели со стены многочисленные семейные фотографии. Она осмотрелась. Прошлое. Почему она не могла просто забыть обо всем этом?

Но нет, это было легче сказать, чем сделать. Прошлое дышало ей в затылок еще с тех времен, когда она была ребенком. И теперь ей захотелось избавиться от этого кошмара. Иначе бы она не кралась тайком по закоулкам своего родного города.

Она пролистнула фотоальбом. Равнодушно просмотрев самые старые фотографии, она с растущим отвращением прошла через тот период, частью которого сама невольно стала.

Там был он. Вместе с ней. Конфирмант. Юношеская фотография. Этот чертов ухажер по прозвищу «пенис Святой Троицы». Но Халлвин был прав. У нее шла кругом голова. Он знал это! Но никому не позволено надругаться над правдой. Думать, что можно прожить всю жизнь во лжи.

Возможно, именно здесь в гостиной все и началось? В то время, когда ничего не подозревавшая бабушка спала наверху, а ее муж Пер трудился в поте лица на рыболовецком судне. Тайны, которые умел хранить этот небольшой городок, были весьма серьезными.

Судя по всему, в доме не убирали. Все выглядело как всегда. Это был обыкновенный старый фарерский дом. Над порогом все еще висела табличка: «Да благословит Господь этот дом». Стены украшали вышитые ангелочки и сонетки. Мебель была старой и обшарпанной. В маленькой гостиной висели две прекрасные картины неизвестных художников. Одна из них была из пятидесятих годов – на ней запечатлен вид на гору Норурфьядль, а другая изображала Иисуса, идущего по воде. На тумбочке темного цвета стояли пепельница и красивая фарфоровая ваза с нарисованным на ней большим белым медведем. Библия, книга псалмов и

фарерский песенник располагались на полке прислоненные друг к другу... А на полу находилась плетеная корзина с ободранными краями, где лежали колкие вязальные спицы.

Она замечает, как открывается входная дверь. Слышит шаги и хорошо знакомый голос. Те же шаги, которые принесли с собой беззастенчивое преследование и издевательства. Это нескончаемое проклятие. Мерзкий неудачник. Здесь кто-то есть? Оскорбительный смех словно кинжал пронзает ей грудь. В дверях появляется тень.

Она прячет длинную спицу в рукав кофты. Поглаживает пальцами сталь, словно это – остро заточенный карандаш. В ее руках смерть. А в голове – таинственная история жизни, которую у нее отняли.

18 августа 1990 года

Луч солнца пробился в детскую комнату и осветил перегородку на которой красовалась певица Мадонна с широко раскрытыми глазами небесно-голубого цвета и губами, красными как кровь. Лицо женщины было бледным, а на голове у нее находилась разломанная пластинка с надписью *Like a Prayer*¹.

Когда Анита накануне поздно вечером ложилась спать, она не забыла прочесть «Отче наш», но не задернула шторы. Сейчас же она проснулась от яркого света и переполнявшего ее ощущения радости. Анита зевнула, протерла заспанные глаза и сразу увидела плакат с изображением американской поп-звезды, который ей разрешили купить в Дании, где ее семья провела две недели. И вот теперь он висел на стене у нее в комнате, купаясь в золотистых лучах солнца. Ее секретный кумир. Она уже знала почти все песни с пластинки. Что скажут другие девочки? Но который сейчас час?.. Она услышала, как мама внизу хлопочет по дому. Значит, папа еще не ушел на работу. На этом у Аниты пропал последний сон. Она вскочила с постели. Ей нужно было вставать и идти в школу в первый раз после летних каникул. Анита предвкушала встречу со всеми своими одноклассниками, а также учебу по новому расписанию. Так было каждый год. А накануне вечером на пароме домой должна была прибыть Ронья. Ее она не видела почти семь недель.

Здание школы напоминало плохо пропеченный кекс и располагалось в центре города посреди жилых домов и садов. У этого старейшего здания, где детям предстояло провести новый школьный год, были обшарпанные стены, а из окон дуло. Наверное, хуже было некуда. А под обрывками потрепанных обоев виднелись старые бетонные стены, покрытые пылью и плесенью. Классная комната находилась рядом с главным входом, через оконные стекла с отколовшимися углами можно было видеть, как учителя и ученики прибывали в школу – кто на велосипеде, а кто пешком. Порой встречались и мопеды. За большими окнами слышался шум машин, пение птиц и все те звуки, которые приносит с собой день.

Рано утром из-под кроны большого дерева доносилось пение скворца. Это был гимн радости, посвященный самой жизни. Или же грустная песнь о том, что мир и спокойствие закончились. Прекрасное пение этой пестрой птицы слышал ранним утром комендант школы, когда, посвистывая, шел с тяжелой связкой ключей открывать двери в обветшалом здании.

Уже велись разговоры о строительстве новой школы. Но учителям приходилось запаса-ться терпением и учить своих учеников правильной расстановке приоритетов. Песчаный пляж должен был уступить место плитке и асфальту. Прекрасную природную гавань, находив-шуюся между величественно возвышающимися горами, предполагалось перестроить и выне-сти на сотни метров в сторону от причала. Планировалось заложить рядом с портовой зоной торгово-промышленный район, расширить дороги. Согласно обнародованным чертежам бль-

¹ Как молитва (англ.).

шая часть центра города должна была уйти под крышу. Люди в шутку спрашивали, можно ли будет ходить по улицам в домашних тапках? Многие качали головой, с трудом веря, что такой амбициозный и дорогостоящий проект мог воплотиться в действительность. Впрочем, время все расставит по своим местам. В восьмидесятые годы не было ничего невозможного. На затерянном в холодной Атлантике маленьком архипелаге, где жило всего лишь сорок восемь тысяч человек, царила жажда действий и инициатива. Люди витали в облаках и находились на гребне волны. И обычному человеку ничего не оставалось, как следовать этому течению. Иностранцы с удивлением спрашивали, не потеряли ли фарерцы чувство реальности. Поскольку тучные годы могли внезапно закончиться.

– Берегись машин, – сказала мама Аните, когда та собиралась в школу. Она это говорила всегда, когда дочь отправлялась из дому на велосипеде или пешком. Маме не нравилось плотное движение в городе. Если бы все водители грузовиков водили как ее муж! Однако многие из этих молодых людей проезжали город на повышенной скорости. Им платили в зависимости от количества поездок, поэтому они часто жали на педаль газа.

Но у Аниты тем утром было достаточно времени на дорогу, и она обещала, что будет осторожна. Улыбаясь, она помахала маме, которая стояла у окна и провожала дочь взглядом. За спиной у Аниты был почти что пустой ранец. Новенькие ботиночки со шнурками жали на педали велосипеда, колеса которого начали отмерять новый год в круговороте знаний. Солнце сияло на фоне светлого неба и посылало лучи на ее длинные светлые волосы. Маленькая мамина дочка, которая стала такой большой и умной. Она сейчас пошла в шестой класс. Утром в эту среду в первый учебный день после каникул ученикам сказали приходить в школу только ко второму уроку.

Тогда не было специальной велосипедной дорожки, поэтому Анита ехала по правой полосе проезжей части. Но по мере ее приближения к школе машин становилось все больше и больше, поэтому она переместилась на тротуар. Там было безопасней, хотя Анита знала, что это не очень-то и разрешено. Но что ей оставалось делать? За большими грузовиками тянулся грязный шлейф пыли и выхлопов, и они все время подгоняли ее вперед. Странно, что в такой погожий день столько людей сидит за рулем.

Бьярнхардур Персен ехал через город в белой «Мазде-626». Пыль от высушенных солнцем дорог вот-вот должна была лечь грязным покрывалом на разогретый металл. Совесть у Бьярнхардур в эту поездку была не совсем чистой. Он знал, когда детям идти в школу и когда их мама останется дома одна. Прекрасная летняя погода возбуждала у мужчин и женщин охоту к жизни. Они уже тайно встречались, и ее умение любить и преодолевать любые сексуальные ограничения делали это обыденное утро еще более увлекательным. Хотя она была замужем, у него всегда были к ней чувства. То, что она в юные годы по глупости увлеклась лстивым проповедником, было ее собственной проблемой. Одному богу известно, подозревал ли ее муж?

Бьярнхардур двигался в северном направлении, повернув к старому въезду в туннель. Он остановился и посмотрел, не движется ли кто с противоположной стороны. Бьярнхардур поднял крепкую волосатую руку и посмотрел на часы. Время приближалось к девяти. Теперь можно свободно ехать по пустой дороге.

Небо было почти безоблачное, солнце уже хорошо прогрело землю. Анита спустилась по улице от церкви и по дороге встретила двух воспитательниц детского сада, за которыми шли дети, державшиеся за веревку, чтобы не потеряться. Следовало ли ей свернуть обратно на дорогу? Анита, осмотревшись вокруг, ради забавы позвонила в звонок велосипеда. Дети были в отличном настроении и поприветствовали ее. Они прижались к краю тротуара, чтобы она проехала. Наверное, она станет воспитательницей, когда вырастет. У самой Аниты не было

младших братьев или сестер. Но ей хотелось, чтобы они у нее появились. Вдобавок к старшему брату, которого звали Деннис. Ему только исполнилось восемнадцать, и он уже много раз ходил в море.

На большом перекрестке, где после длительных дискуссий о безопасности движения и серьезных пробках муниципалитет организовал регулируемый пешеходный переход, стояла Тарина, ожидая возможности перейти через дорогу. Анита сошла с велосипеда, и они пошли по зебре пешком. Тарина счастливо улыбалась и радостно рассказывала, как весело было в летнем лагере. Там были девочки со всей страны. Они играли, веселились, соревновались, плавали в небольших резиновых лодках по озеру, ловили форель, гуляли по лугам, катались на лошадях, рисовали, пели и беседовали об Иисусе. В лагерь съехалось много девочек из Норвуйка². Разумеется, там также были Рут и Марта из их класса. А еще Мария. Лучше и не придумать. Она не ожидала, что Марию тоже отпустят. Было очень интересно, и они все жили в одной комнате. Ты должна поехать с нами в следующий раз! Анита чувствовала себя немного обделенной. Ее мама не хотела, чтобы она ездила в летний лагерь. Они не были членами прихода. Больше об этом сказать было нечего.

– А я была в Дании, где ужасно много пчел, – сказав это, Анита немного поморщилась, а на ее щеках остались красивые ямочки от улыбки.

– Ты верующая?

Вопрос прозвучал как гром с ясного неба.

Анита посмотрела на Тарину с некоторой неприязнью.

– Да, конечно, – ответила она и поспешила сменить тему.

– Ронья сегодня придет в школу. Я так хочу ее увидеть. Она съездила в Италию и Швецию, где малость загорела!

Когда они пришли на школьный двор, на мопеде подъехал Халлвин. На заднем сиденье расположилась девочка из восьмого класса. Ей надо было сойти у ворот. Халлвин затянулся сигаретой и огляделся в надежде, что кто-либо из учителей увидит это и попросит его прекратить курить. Или же он просто важничал перед младшими девочками. Все знали, кто такой Халлвин. Он поступал так, как ему хотелось. И не имело значения, если это шло против всех законов и правил.

Девочки подошли к входу в школу. Тарина смотрела себе под ноги, как будто не желая встретиться глазами с парнем в черной кожаной куртке, который встречал их словно король школы. Возможно, она его немного боялась. Аниту забавляла эта юная пара – они толкались плечами и глупо улыбались, когда пропускали между собой учеников младших классов.

В полдень все выбежали на перемену. Несколько мальчиков играли на поле в футбол, а на разгоряченном асфальте молодая улыбчивая учительница кружилась, держа в руке конец скакалки, через другой конец которой радостно перепрыгивала детвора.

Рядом кучковалось несколько парней, а вдоль стены сидели девушки в майках и футболках, они разговаривали, смеялись и смотрели вверх на голубое небо. Боги погоды были в этот день благосклонны, поэтому вполне можно было снять куртку или свитер и позволить солнечным лучам обласкать лицо и руки.

Этот эпизод врезался в память семи школьниц из 6 «А», в основном благодаря девочке из параллельного класса, Бьёрг, близкой подруги Роньи, с которой они все скоро близко познакомятся.

Бьёрг в тот день взяла в школу фотоаппарат «Кодак» и попросила всех девочек улыбнуться на камеру. Она хотела закончить пленку и отнести ее на проявку.

² Норвуйк (досл. «Северная бухта») – вымышленный город на севере Фарер, где происходит действие романа.

– Остался единственный кадр, так что у вас есть только один шанс, – сказала она настойчивым голосом, словно профессиональный фотограф, и сделала несколько шагов назад, чтобы все уместилось в объективе фотоаппарата. Бьёрг сказала им всем подняться и не моргать на солнце.

УЛЫБОЧКА!

Девочки стояли в следующем порядке слева направо: Йоурун, у которой груди были почти такими же большими, как у учительницы математики; за ней – Мария и Тарина, положившие руки на плечи друг другу; посередине – Анита в белой летней блузке и с красной заколкой с цветочком в волосах; далее – загорелая и уверенная в себе Ронья в футболке с надписью «Тутти-фрутти», напоминавшая испанскую сборщицу апельсинов; справа от нее – Рут, самая маленькая девочка в классе, которая короткой стрижкой походила на мальчика, и, наконец, последней была долговязая спокойная Марта, у которой на груди висел большой крест.

ЩЕЛК!

Бьёрг пообещала, что покажет девочкам проявленную пленку через четырнадцать дней. А если фотография выйдет хорошей, то она подарит ее Аните.

Зазвенел школьный звонок. Ученики с некоторым беспокойством и напряжением ждали Туммаса Поула, преподавателя географии и истории. В классе уже видели этого человека и были наслышаны о нем: раньше он иногда замещал у них других учителей. Все знали, что Туммас Поул очень ревностно относится к своей профессии. Он, в частности, ни разу не был на больничном за все время работы в школе с 1975 года. Он был не женат и не терпел, когда класс или отдельные ученики нарушали порядок. Дети вряд ли могли надеяться на то, что Туммас Поул сходит с классом на прогулку в солнечную погоду. Он имел репутацию очень принципиального преподавателя. И строгого. У него была расписана каждая минута. Об этом рассказывали ученики старших классов. В начале учительской карьеры Туммас Поул не стеснялся распускать руки и наказывать детей, давая им хлесткие пощечины или оставляя после уроков. Однако теперь согласно закону о школьном образовании это было запрещено. Отныне учителям, включая и Туммаса Поула, приходилось заботиться о том, чтобы не иметь проблем с родителями и руководством школы. Тем не менее Анита почувствовала себя не в своей тарелке, когда дверь приоткрыл крупный мужчина в коричневых штанах из синтетической ткани и клетчатом пиджаке, попросивший 6 «А» встать в ряд, а затем идти за ним в классную комнату.

Ученики тихо заняли свои места, ожидая, что сейчас скажет Туммас Поул. На его учительском столе высились две стопки старых потрепанных книг.

– Здравствуйте, ребята! Добро пожаловать снова в школу!

– Спасибо, и вам того же! – вежливо и почти в унисон ответил весь класс.

– Я буду преподавать у вас географию и историю. Сейчас я раздам вам учебники, которые нужно будет подписать и обернуть бумагой. Сегодня у нас по расписанию география, поэтому я потрачу некоторое время на рассказ о странах и городах, а также на знакомство с вами.

Туммас Поул старался говорить мягким голосом – из класса не доносилось ни малейшего звука.

Когда все получили по учебнику, учитель развернул карту Фарерских островов, висевшую смотанной у потолка. Туммас Поул сделал небольшую паузу, посмотрел на класс и открыл на зеленой доске карту Европы. С довольным видом он взял указку, висевшую на стене, и, улыбаясь, показал на карте Фареры, потом Данию и Грецию.

– У меня этим летом было увлекательное путешествие. Сегодня так просто летать между разными уголками мира. Но богатый своей древней культурой город Афины, со всей его мифологией и старинными зданиями на горе Акрополис – это я оставляю на уроки истории. А сейчас я хотел бы услышать, как прекрасные дамы провели свои драгоценные каникулы...

Туммас Поул приподнялся на носки, а ученики, широко раскрыв глаза, наблюдали, как он мелкими бесшумными шажками приближался к парте, где сидела Ронья, как будто находившаяся в другом мире. Туммас Поул осмотрел аудиторию и опустил указательный палец на черные волосы ученицы. Это вызвало приступ смеха у всех присутствующих. В том числе у красавицы Роньи, у которой были большие жизнерадостные карие глаза и белые как мел зубы.

– И как тебя зовут?

– Ронья Роуксдоттир³.

– По тебе видно, что ты путешествовала этим летом.

– Да, я провела четыре недели в международном детском лагере *CISV*⁴ в Венеции, в Италии, а потом две недели была с папой в Швеции.

Ронья говорила почти как взрослая. Она была единственным ребенком в семье и жила у своей матери в Норвуйке. Никто из класса не видел ее отца, но все знали, что он боксер и живет за границей.

– Это очень интересно.

Туммас Поул попросил Ронью подойти к доске, где она показала на карте этот интересный город в Италии, который расположен на воде и где люди не ездят на машинах, а плавают между домами на лодках.

– Летний лагерь не совсем в городе, а неподалеку, в пригороде, но мы провели три дня в самой Венеции, где поплавали на гондолах, – рассказала Ронья. – Это такие лодки, которые возят туристов на экскурсии. Мужчина, управлявший гондолой, использовал только одно весло, а еще он спел нам во время экскурсии!

Ронья хорошо умела рассказывать. Чуть ли не лучше, чем сам учитель. Все слушали, а некоторые мальчики с глуповатым видом переглянулись, когда она произнесла забавное название лодки. Гондола. Это звучало почти как...

– Значит, ты покаталась по венецианским каналам и ознакомилась со старинной итальянской культурой. Это очень хорошо. Ты, конечно, ела там спагетти, питу и пиццу?

На это Ронья рассказала, что во время поездки они не ели ни черный хлеб, ни картошку. Но это было неважно. Еда нравилась всем, даже детям из Африки, Индии и США. Каждый день им подавали помидоры. А также оливки. Поначалу она думала, что это – виноград. Но на вкус эта ягода оказалась горькой, и Ронье хотелось ее выплюнуть.

– Благодарю тебя, – сказал Туммас Поул. – Ты станешь хорошим экскурсоводом, когда вырастешь, Ронья.

– А как зовут эту ученицу и что интересного может рассказать она? – Туммас Поул ткнул указкой в стол, где сидела Йоурун.

– Эм-м... меня зовут Йоурун, и я этим летом никуда не ездила. Хотя нет, я провела одну неделю в Кваннасунде, а еще один раз сплавала на пароме «Моасин» на остров Фуглой.

– Да что ты говоришь! – удивился Туммас Поул.

Йоурун подумала, что это сказано с издевкой. У нее побагровели щеки от возмущения и злости. Может, ей и следовало рассказать, что она ставила со скаутами палатку в Хёвадалуре и была со своим папой у подножия горы Энниберг, но она предпочла промолчать. Йоурун решила больше ничего не говорить на уроках у этого бесцеремонного учителя. Туммас Поул, сохраняя невозмутимость, пошел дальше. Было интересней услышать, что расскажет Мария, которая вместе с родителями и сестрой съездила в Исландию, – они объехали на машине весь остров, повидав крупные водопады, ледники и горячие источники.

– Мы послушаем еще одну девочку на этом уроке. Мне кажется, я знаю, что тебя называли Рут в честь твоей бабушки?

³ Роуксдоттир – дочь Роукура.

⁴ *CISV* (*Children's International Summer Villages*) – организация «Международные детские летние деревни».

– Да, но это имя – библейское. Рут⁵ звали прабабку царя Давида.

– Да что ты говоришь! – сказал Туммас Поул третий раз за урок.

Йоурун подняла глаза и повернулась к доброй и наивной Рут, которая не распознала сарказм в голосе учителя.

– Я была целую неделю в летнем лагере. Там было очень интересно и познавательно. Мы играли на свежем воздухе, пели и читали Библию... – Рут говорила громко и уверенно.

– Спасибо, Рут. Ты наверняка расскажешь об этом подробнее на уроке по христианству. У нас осталось не так много времени.

Туммас Поул вынул классный журнал из ящика учительского стола. Он просмотрел фамилии, заглядывая в клетки, где были записаны родители учеников.

«Здесь есть одно несоответствие. Ничего, рано или поздно это прояснится. Хм-м-м. Семь девочек и тринадцать мальчиков, которые когда-нибудь станут гордостью этой страны? Может быть... Ну ладно». – Туммас Поул улыбнулся ученикам, которые уже положили учебники в ранцы и с нетерпением ждали, когда окажутся на улице под лучами солнца. Учитель все еще размышлял над слухами, которые ему напомнило то, что он увидел в журнале, но в данном случае лучше было промолчать.

– В следующий раз у нас будет урок истории. Крайне важно знать наше прошлое. Вы – будущее нашей страны, когда-нибудь о вашей жизни тоже будут слагать предания и вы войдете в историю.

Ноябрь 2016 года

Два коротких гудка в телефоне и выделенный красным цветом в календаре день 23 ноября 2016 года являлись незаметным напоминанием новой компьютеризированной эпохи о том, что этим вечером в клубе по вязанию собираются встретиться шесть женщин.

Анита была взволнована. Она ходила взад-вперед по комнате, брала в руку телефон, размышляя, звонить ей или нет, но потом отказывалась от этой идеи. Анита вполне могла подождать еще, хотя об этом проще подумать, чем сделать.

Она посмотрела на часы: двадцать часов пять минут. Ее бесценные ангелы уже безмятежно спали в общей спальне наверху, не имея представления о том, насколько несправедливым порой бывает этот мир. Дочь пошла в первый класс, а сын – в третий. Как быстро летит время! Остается лишь месяц до Рождества. Дети ждали его с нетерпением, растущим с каждым днем. И Анита радовалась этому вместе с ними.

Но почему в темное время года постоянно случается что-то неприятное? У нее из головы никак не выходила эта невероятная история. Жуткое и никому не известное событие, о котором, похоже, не сообщило ни одно СМИ.

То, что случилось что-то ужасное, Анита немедленно прочла по выражению лица у Йоакупа, проработавшего в полиции Норвуйка почти десять лет. Они начали встречаться задолго до того, как Йоакуп поступил в университет, и теперь в конце дня по его виду она вполне могла определить: произошло что-то серьезное. Йоакуп планировал провести дома весь день – раньше он обещал детям проверить в порядке ли их старые финские сани. Но Йоакуп позвонили, и это выбило его из колеи. Йоакуп выглядел серьезным, лицо было бледным, когда он ненадолго зашел на ужин домой, а потом отправился на работу. Он ничего не ел, разве что посмотрел на баранью ногу, которую Анита подала к столу. Йоакуп лишь поднес ко рту кусочек и тут же побежал в туалет, где его вырвало. Он не хотел рассказывать в деталях, что на самом деле произошло. Но эта трагедия не могла оставаться в тайне. Супруги жили в неболь-

⁵ Рус. библ. – Руфь.

шом городе. Аните нельзя было рассказывать об этом кому бы то ни было еще, хотя вечером того же дня ей предстояло принять у себя дома вязальный клуб с участием подруг.

В голове у Аниты пронеслись тысячи мыслей, когда она заглянула в освещенную духовку, чтобы проверить круглые пышные пирожки, уже зарумянившиеся и готовые переместиться на черный каменный поднос в светлой и уютной кухне. Анита сварила яйца и вытащила из холодильника мидии. Спустя час начнут подтягиваться подруги. И она много чем сможет попотчевать гостей. Получила ли Мария сообщение о встрече и не дежурила ли Лина в больнице?

Анита пыталась успевать везде, убирая, развлекая детей и заботясь об ужине. В коридоре висели друг на друге большие зимние куртки и стояло много обуви – здесь тоже предстояло навести порядок. Она включила фонарь во дворе, осветивший золотистым лучом самодельную табличку, прикрепленную к окрашенной в белый цвет облицовке, с красиво сделанной надписью: «Ундир Гэараватни, 10. Здесь живут Бьёрк, Боарур, Анита и Йоакуп оа Тром».

Их дом был возведен пять лет назад. Анита и Йоакуп оба из Норвуйка, поэтому не было сомнений, где им следовало строить свое будущее. Спрос на участки под частные дома на протяжении многих лет был высоким, и Анита с Йоакупом терпеливо ждали своей очереди в соответствующем списке муниципалитета. Когда был высвобожден участок в ранее заповедном красивом месте рядом с озером Гэараватн, им предложили воспользоваться этой возможностью. Лучшего места под дом с учетом солнечного света и красивого вида на залив Сувурвуйк представить было невозможно.

Однако темным ноябрьским вечером в среду горных гряд было не видно, и внимание Аниты занимало нечто другое, более важное, чем обычные виды из их больших окон.

Господи, помилуй нас! Холодный ветер трепал голые ветви деревьев перед домом. Анита ощутила, как ее пробрал озноб и руки покрылись мурашками. Она отложила в сторону большого розового омара, глазевшего на нее черными мертвыми глазами – к горлу подступила тошнота.

Анита решила выпить стакан холодной воды, а потом приступить к борьбе с обитателем моря, лежавшим на столе.

Как стало ясно из слов Йоакупа, кто-то убил Халлвина. Полиция прибыла на место между тремя и четырьмя. Ее ждало ужасное зрелище. Но Анита не могла лгать самой себе. В ней боролись две силы. И это было тоже неприятно, но слишком невероятно, чтобы быть правдой.

Она опять посмотрела на часы и вытащила из духовки пирожки. Никто не отменил свое участие во встрече. Подруги были приглашены на шесть часов вечера. Четыре девчонки, дружившие все школьные годы, плюс Бьёрг из параллельного класса и Лина, жена брата Аниты.

Анита открыла кран и помыла руки. Она была в числе первых, до кого дошли новости, которым вскоре приделали ноги, благодаря чему они стали разбегаться по округе. Загадочным образом был убит Халлвин.

Он лежал на полу с раскрытым ртом, уставившись в потолок. Несомненно, еще несколько минут и его душа начнет молить о том, чтобы ее впустили на тот свет. Она посмотрела на его лицо и застывшее тело. Был ли он уже мертв? Этот человек, ранее такой могущественный и недобрый, почти не сопротивлялся. Она воткнула ему спицу между ребер, попав в сердце. Ну вот, дело сделано. Но оправдает ли какой-нибудь созданный человеком суд то, что она совершила? Вряд ли. Если это станет известным, на ней будет поставлено черное клеймо. Хотя она и так уже была жестоко наказана.

Она осторожно выглянула из входной двери. На улице была крошечная темнота и тишина. Она глубоко вдохнула чистый воздух и выдохнула миллионы молекул в небо. После этого вернулась в сырой коридор. Повернула ключ. Сюда никто не войдет. Теперь она была полностью спокойна. Она всегда тщательно готовила то, что делала.

Сейчас ей предстояло скрыть все свои следы и придумать что-то, что могло бы сбить полицию с верного следа.

Она протерла кухонным полотенцем все места, где могли оставаться ее отпечатки пальцев: замки дверей, корзину с вязальными принадлежностями, стол в гостиной, стулья и фотоальбомы. Помимо одного, который хотела забрать с собой.

Она оставила включенным свет в коридоре, чтобы дом не выглядел слишком темным и подозрительным. Взглянула на тихий и безлюдный ночной пейзаж. Ах, как теперь спокойно. Без него.

Разница между температурой на улице и внутри составляла около двадцати градусов. По ту сторону оконного стекла под вывеской «Глобал» находился другой мир. Ронья толкнула тяжелую дверь и вошла в тепло. Она выдохнула из легких зимний воздух, оставивший небольшие росинки на чистом стекле. В коридоре увидела хорошо одетую женщину – темный пиджак, шаль, темно-зеленая вязаная шапочка. Та проводила Ронью во внутреннее помещение. Ронья ответила на приветствие, довольная собой. Облизав замерзшие губы, она улыбнулась своему отражению в зеркале. Дверь заскользила в обратном направлении, после чего стих шум от автомобилей и прохожих, уступив место хрустящему звуку кофемашины, звону тарелок, музыке и разговорам за чашечкой кофе.

Ронье нравился стиль и атмосфера в этом новом клубе. Войдя в уютное помещение и ощутив аромат свежемолотого арабского кофе, она почувствовала себя как дома. У стола под отовсюду видимым портретом Манделы сидели два гомосексуалиста. Смотря друг другу в глаза, они прихлебывали кофе мокко из маленьких чашечек, еще издавна изготовлявшихся в портовом городе Моха на полуострове, который вдается в Красное море и где очень любят кофе.

Ронья заказала чайничек китайского зеленого чая, сэндвич из хлеба с семенами кунжута, ветчиной и сыром. Услужливый мужчина по ту сторону стойки принял заказ и с каким-то забавным жестом посетовал, что на улице сегодня темно и холодно. Кто бы мог подумать, что тебе всегда будут рады в «Глобале», найдут теплое место рядом с искусственным камином или же у окна, где ты можешь обозревать красивые виды улиц города и считать фонарные столбы в гавани.

Когда ты посетитель, тебе начинает казаться, что ты находишься в центре мира. Здесь ты можешь перекусить днем и насладиться вкусом любимой еды. Для Роньи было как бальзам на душу получить возможность присесть на какое-то время, получить из рук официанта заказанное блюдо, поболтать с кем-нибудь, поразмышлять, понаблюдать за посетителями или просмотреть еще раз свои заметки.

Тихо, как будто в отдалении, была слышна этно-музыка из самых разных стран мира, а на стенах, окрашенных в темные цвета, висели портреты известных исторических личностей. Со стены, около которой сидела Ронья, в пространство доброжелательно смотрел Махатма Ганди, а на другой картине неутомимая мать Тереза простирала руку по направлению к группе детей. Хотя Ронья была одна, она ощущала себя в хорошей компании. Обычно по средам в «Глобале» бывает много людей. По другую сторону стенки сидели две взрослые пары и искренне смеялись над чем-то забавным, что им рассказал проходивший мимо человек, знавший, видимо, много интересных новостей.

Наискосок от места, где сидела Ронья, несколько юношей студенческого возраста обсуждали компетентность нового мэра, попутно кидая жребий, кто из них будет платить за острую мексиканскую пиццу, которую они перед этим так по-христиански разделили между собой.

В «Глобале» Ронье особенно нравилось то, что это кафе находится лишь в шаге от уютной квартиры в районе Сандур, куда она въехала после возвращения домой. Много чего произошло, пока Роньи не было дома, и город сильно изменился. Новые рабочие места практически

во всех отраслях привлекли сюда множество переселенцев, что, в свою очередь, отразилось на здешней торговой и культурной жизни.

Вскоре появился услужливый официант с подносом. Нож и вилка были завернуты в небольшое, слегка нагретое полотенце, а из чайника шел пар. Официант поставил тарелку с полезным для здоровья блюдом на стол прямо перед Роньей: «Приятного аппетита!»

Ронья Роуксдоттир поблагодарила официанта, пожирая глазами кусок национального фарерского хлеба, испеченного по оригинальному рецепту Гуттормура из Мули.

Действительно, жизнь в Норвуйке приходилась ей по вкусу. Жить тут не так уж и плохо. Особенно тридцативосьмилетней женщине. После долгих лет за границей Ронья не ожидала, что ей так будет нравиться в своем родном старом городе. Решение вернуться домой было правильным. Здесь Ронья выросла, ходила много лет в школу и встретила свою юность. С папой и мамой сложилось не очень, но они каждый по-своему поддерживали ее и сделали ей много добра на жизненном пути. Папа где только не жил. В молодости он был профессиональным боксером, но с годами промежутки между победами становились все длиннее и длиннее, а после нескольких крупных разочарований на ринге у него начался личный и финансовый спад. При этом Ронья все эти годы имела хороший и тесный контакт с отцом, который до самых последних дней был мягок и добр к ней, несмотря на то, что он боксировал и дрался все сорок девять лет, отведенных ему жизнью, пока не умер в статусе выбитого с ринга неудачника.

Ронья глубоко вздохнула от тоски. Да, пускай папа покоится с миром. Сама же она хотела получить от жизни только лучшее. Ронья помешала бамбуковой палочкой в большой чайной чашке и попробовала на вкус теплые свежие листочки китайского чая.

Даже посещая Орхус или Лондон, она не чувствовала себя лучше, чем здесь. Но те времена тоже уже были в прошлом.

Ронья увлеченно просматривала в редакторе своего планшета текст, перечитывая его целиком и внося небольшие изменения. Рассказывая об увольняющемся участковом враче, полуфарерце с примесью норвежской крови Хансе Вогберге, она попыталась проникнуть в его подноготную. Статья предназначалась для широкой аудитории. Этот пожилой врач был очень трудолюбивым, порядочным человеком и как профессионал пользовался хорошей репутацией. В интервью он говорил без обиняков, не побоявшись выступить с критикой политической системы, руководства медицинских учреждений и многомиллионных трат на здравоохранение, израсходованных нерациональным образом, а также сложившейся практики обращения с людьми, неспособными ухаживать за собой. Прихожая смерти, как он назвал новый дом престарелых, оказалась необоснованно дорогой, а решение о ее строительстве – бездумным и бездушным как для обитателей, так и окружающего общества. Из этой ситуации должен быть выход, подытожил Вогберг.

Ронья Роуксдоттир нажала на кнопку «Отправить» и убрала планшет в сумку. Интервью было подготовлено к публикации в газете «Викан», выходящей в печатном виде по четвергам. Фрагмент беседы планировалось также поместить в датско-фарерском онлайн-издании «ВИ КАН»⁶, которое за последний год приобрело много новых читателей и обратило на себя внимание на медийном рынке.

Теперь она могла позволить себе покурить. Хотя Ронья ежедневно лгала самой себе, что курит только в компании, ей захотелось выйти в одиночестве на балкон и в третий раз за этот день выудить сигарету *Prince light* из мягкой пачки.

Запах холодного ноябрьского воздуха вместе с внесезонным табачным дымом создавал в теле приятное ощущение. Ронья думала о своей судьбе и возможностях в будущем. Конечно, львиную долю ее времени поглощала работа, но за прошедшие годы много чего произошло и в личном плане – любовь и счастливый гражданский брак. Да, надо брать от жизни все. Сегодня

⁶ Названия обоих СМИ основаны на игре слов: фарер. *Vikan* – «неделя», дат. *vi kan* – «мы можем».

вечером ей предстояло пойти в вязальный клуб вместе с пятью симпатичными и болтливыми женщинами. Эти встречи никогда не бывали скучными, и после них она часто возвращалась домой запоздно. Ну, не беда. На следующий день она собиралась взять отгул на работе. Ронья сделала два шага по направлению к урне для окурков. Будучи журналистом, она не могла отвести глаз от полицейского участка. Что там происходит? Две полицейские машины из Торсхавна⁷ в Норвуйке в конце дня в среду?! Синяя машина – должно быть, из криминального отдела!

Иногда надо отдыхать от работы, пыталась она убедить саму себя. Дневная работа сделана, а вечером будут домашние пирожки и вечер вязания у Аниты. Она с нетерпением ожидала встречу с ними всеми и думала о словах, которые часто говорила ее бабушка: «Женщина – это то, что она вяжет». Ха-ха. Да я ни то ни другое, – посмеялась Ронья про себя.

Она смотрела на мертвое тело с отвращением и презрением. Вскоре он стал коченеть. Каждая мышца в этом мерзком теле. Rigor mortis⁸. Ей захотелось отрезать его член и воткнуть в раскрытый рот убитого. Как последнее прощание и благодарность за прошлую встречу. Эта мысль ее не отпускала. Однако она на это не пошла. Преступление не должно было выглядеть так, как будто его совершил психопат-извращенец. Можно делать лишь то, что возможно оправдать. Перед людьми и Богом. Полиции не следовало знать о причине убийства. Под подозрением должен был оказаться любой... Семья, сестра, отец, замученная им слабовольная жена, возлюбленная, друзья-собутельники и женщины из вязального клуба. Однако дело еще не было закончено.

Она осмотрелась в комнате и подошла к комоду. Там стояла фотография четырех детей в рамке. Скорее всего, она была сделана более полувека назад на конфирмации Трёндур, чей сын теперь был убит. На этой черно-белой фотографии Трёндур горделиво держал руку на плече младшего брата, уставившегося в пустоту. Впереди стояли обе дочери. Младшая была одета в белое платье, волосы заплетены в тонкие косички. Она смеялась, показывая мелкие детские зубы. Старшая девочка была в темной рубашке и кофте того же цвета. У нее было горестное и запуганное выражение лица, как будто ей кто-то сообщил, что долго она не проживет.

Много лет позже она сидела с подругой и рисовала в этом доме детских воспоминаний в отсутствие дедушки. Дети его боялись. Сама она видела его только однажды. На него было страшно смотреть. Он выглядел как злобный пес. И у него были большие мохнатые руки. Однако бабушка всегда была добра и мила с девочками, угощала их чаем и учила вязать. Позже девочки узнали, что им нельзя было посещать дом на улице Стайна одним. И Марина стала держаться от него подальше.

Все это было делом давно минувших дней. Она хотела уничтожить эту историю. Стереть позор, к которому она стала причастна, запуганная вопреки своей воле. Она проникла в дом так поздно вечером не без причины. Ее миссия вскоре будет завершена. Теперь было необходимо выбраться отсюда, не оставляя следов. Чтобы она смогла жить по-настоящему. Чего ей хотелось много лет. Чтобы прошлое оставило ее в покое и она полностью ушла в будущее. Она не хотела чувствовать себя угнетенной. Но вместо этого – разорвать старую смиренную рубашку и сплести свой собственный жизненный узор.

Она пролистнула фотоальбом и остановилась на девушке, одетой в платье для конфирмации. Она выглядела такой невинной. Как прекрасный ангел. Девочка с серебряным сердечком, которая предала свою лучшую подругу.

⁷ Торсхавн – столица Фарерских островов.

⁸ Окоченение трупа (лат.).

Красная лампа освещала небольшую комнату, где много раз за день встречались сотрудники в зеленых и белых халатах. Лина сидела в одиночестве и смотрела в монитор, когда услышала, как ее позвали:

– Лина Воалароа, зайдите во вторую палату.

Странно, обычно ее не вызывали по громкой связи. Мало удовольствия в том, что у тебя появляется срочное задание в прозекторской.

Лина любила свою профессию, но особенно ей нравились недели с утренними дежурствами, потому что тогда она могла вставать одновременно с детьми, провожать их в школу и только потом идти на работу.

Она была замужем за моряком, который находился в рейсе почти по полгода, поэтому их домашний пасьянс складывался достаточно редко. Лина была родом из Твёройри⁹, в Норвуйке родни у нее не было. Однако семья супруга приняла ее хорошо, а его младшая сестра Анита много лет служила для Лины палочкой-выручалочкой, после того как молодая девушка с Сувуроя переехала в этот темный и чужой для нее регион. И Лине повезло, что она почти сразу же влилась в добрую и приветливую компанию – клуб по вязанию, где связующей нитью было несколько подруг, вместе пошедших в первый класс в 1985 году.

Несмотря на работу мужа и зачастую неудобный график дежурств на рабочем месте, иногда все же семье выпадала возможность провести вместе несколько вечеров длинной темной зимой. И Лина каждый раз ожидала такие дни с особым нетерпением.

Однако спокойное течение сегодняшнего рабочего дня изменилось самым неожиданным образом. Было полчетвертого дня, и только Лина задумалась о том, чтобы переодеться перед уходом домой, как ее внезапно попросили подготовить прозекторскую для принятия мертвого тела. Будучи медсестрой, она попробовала всего понемногу. В имеющей более чем столетнюю историю больнице Норвуйка жизнь и смерть всегда шли рука об руку. Но времена изменились, и Лина была рада, что у нее родилось трое детей еще до того, как производить их на свет стало проблематичным. Согласно специальным медицинским предписаниям, женщин стали направлять рожать в Торсхавн. Безопасность матери и ребенка имеет приоритет над всем остальным, говорили мудрые политики, настаивавшие на том, что закрытие двух родильных отделений вдали от столицы сделает положение перинатальной медицины более устойчивым. В результате акушерки нередко видели макушку ребенка только в последний момент, когда родители самостоятельно добирались до роддома. Однако встречать смерть жители что Норвуйка, что Сувуроя еще могли у себя дома.

Лина шла по жесткому полу коридора с побеленными стенами. Дверь ей открыл санитар с безразличным лицом. Она спросила, что случилось.

– Сегодня нашли мертвым молодого человека. Скорая привезет его сюда с минуты на минуту.

Было ли это частью ее семьи? Началом той судьбы и того крестного пути, который ей довелось пройти? Отец, бабушка и дедушка.

Она ощутила в себе глубоко укоренившуюся злобу. Ей очень хотелось порвать фотографии на мелкие кусочки и поджечь дом. Успокойся, успокойся... Бог и дьявол уже достаточно долгое время боролись за ее душу. Теперь они могли спорить о мертвом мужчине, который лежал на столе в прозекторской. Она сама будет прощена. Ее близкие и любимые, которые лжесвидетельствовали. Они никогда не хотели рассказать ей правду. Все ее детские годы прошли во лжи. Она всегда была такой наивной. Слушала своего отца и мать и уважала их. Помогала им и была послушной. Ходила в воскресную школу, читала Библию и верила всему, что говорили родители и учитель.

⁹ Твёройри – город и административный центр на самом южном острове Фарер Сувурой.

Могли ли девочки в классе что-то знать? И обсуждали ли ее подруги из клуба по вязанию? Оскорбляя, насмехаясь и думая о ней с пренебрежением? Было ли это причиной того, что ее пригласили в клуб? Но хорошо смеется тот, кто смеется последним. При этой мысли она улыбнулась. Повезло, что ее никто не видел. Люди бы подумали, что она больна или ей стало плохо. Она была заранее к этому готова. Никто не мог иметь в отношении нее никаких подозрений. Но она знала, кого станут подозревать и призовут к ответу за убийство.

Йоурун Флинк Ольсен увидела, как скорая и полицейская машина двигались по улице Старый Шоуварвеур. С тех пор как она закончила школу после девяти лет унижения, мало чему ее научивших, она перепробовала в городе самую разную поденную работу. Последние два года Йоурун простояла у большой сковородки и блендера на новой мясной фабрике «Фарш», находившейся рядом с бухтой в южной части города.

Во время перерыва несколько женщин, выйдя наружу покурить, увидели, как полицейская машина и скорая на большой скорости мчатся по дороге к пригороду у реки Стайна, где лишь в немногих домах еще жили люди.

Как поняла Йоурун, в доме, где еще несколько месяцев назад проживала Хадла, жена Пера по прозвищу Сортировщик, что-то, судя по всему, случилось. Йоурун вздохнула и покачала головой... Несчастливая Хадла, которая, по словам осведомленных людей, находилась на домашнем стационаре, с тоской смотря на мирных соседей, покоившихся на кладбище. Муж и двое детей отправились в царство смерти раньше нее.

Майя практически сверлила Йоурун любопытствующими узкими карими глазами, а Лисси выдыхала серый сигаретный дым в щель между розовыми губами. Обе ждали, когда Йоурун, зная практически все и про всех, придет с долгожданным сообщением о произошедшем.

– Что-то случилось дома у Хахаллвина, – пошутила Йоурун. – Я имею в виду Халлвина. В последнее время он жил в доме, доставшемся его семье от бабушки.

Йоурун была веселого и легкого нрава. Из-за нее другие женщины тоже начали смеяться, хотя наличие во дворе полицейской машины и машины скорой помощи не располагало к шуткам. Йоурун еще могла рассказать коллегам, что она знала Халлвина лучше, чем они все вместе взятые. Еще со школьной скамьи и юношеских компаний. Он был активным и крайне дерзким парнем, занозой в заднице для некоторых учителей и учеников. Многие ненавидели Халлвина и боялись его. Йоурун улыбнулась и вопросительно посмотрела на своих коллег по работе... Не знали ли они его дядю по отцу, Бьярнхардур? Он был известным бабником. Как Бьярнхардур сам выражался, много раз в году он ходил на случки. Когда он находился в соответствующем настроении, у всех половозрелых женщин прогулки по улице могли стать проблематичными. Так много знала Йоурун!

Лисси и Майя глупо ухмыльнулись и позволили ей раскрыть еще несколько интереснейших секретов.

– Бьярнхардур умер несколько лет назад. Одним прекрасным августовским днем его машина свалилась в море. Разве вы не слышали эту историю? Люди говорили, что у него случился сердечный приступ, когда он пристроился сзади к женщине.

Женщины хорошо повеселились в перерыве, пытаясь разгадать, что же такое случилось у Шоуварвеура или в доме у Стайна, как его еще называли. Когда сигарета была потушена, а Йоурун опять встала за установку, выдавливающую чеснок и фарерскую морскую соль на аппетитное филе рыбы, в ее голове начали крутиться мысли.

Йоурун думала о Халлвине, с которым они вместе катались на мопеде и машине, когда она и ее подруги начали гулять по городу в поисках возлюбленных.

Потом Йоурун опять вспомнила школьные годы и юность, прошедшие так быстро. Она слишком рано стала взрослой. Когда ей было тринадцать-четырнадцать лет, некоторые думали

про нее с матерью, что они сестры. Это не всегда было приятно. Йоурун стала бунтаркой. Стала вести себя вызывающе, слушать тяжелую музыку, красить глаза и сбривать волосы с затылка и висков. Так что она, скорее, походила на буйного индейца.

Отец больше года не хотел видеть свою дочь-бунтарку. Мать вздыхала и пыталась их примирить. Она очень педагогично говорила о подростках, которые не понимали, дети они или взрослые, и о молодых людях, сомневавшихся, были ли они рождены девушками или юношами. Ни отец, ни сама Йоурун не слушали мать, и это совсем не способствовало улучшению атмосферы в доме.

Но по какой-то причине Йоурун помирилась с родителями и постепенно обрела покой в своем бурлящем внутреннем мире. Летом 1992 года Ханна Панк, с которой она очень дружила, уехала с Фарер, а другая подруга в их компании внезапно обручилась. Поэтому Йоурун предстояло найти себе новую идентичность. Времена изменились. Экономика в стране шла под откос. Однако самый безудержный ураган – тот, который бушевал в ее голове, – в конечном счете улегся. Йоурун становилась все более и более спокойной, даже не имея понятия о том, как это случилось. Одежда теперь была более обыденной, музыка – спокойнее, волосы – длиннее, а макияж – менее вызывающим. Йоурун опять стала похожей на большинство других девушек, начавших в то время встречаться в клубе по вязанию. Даже несмотря на то, что ее игнорировали в школе. Спустя несколько лет она пожалела, что школа ранее не захватила ее интерес, иначе она достигла бы в жизни больших высот. Но в семнадцатилетнем возрасте она встретила датчанина старше ее на десять лет, от которого почти сразу забеременела. Тогда она была такой молодой, глупой и влюбленной.

Йоурун улыбалась про себя. Ну да бог с ним. Сын сейчас уже практически взрослый, муж приближается к старости, а она сама находится в лучшем возрасте. Еще час с лишним на фабрике, а потом предстоит встреча со старыми подругами, которых Йоурун знала еще до начала извержения вулкана внутри нее.

Два часа ночи. Она закрыла дверь и повесила ключ на гвоздь в пустом сарае. Она шла по вымершей улице к парковке за церковью, где оставила машину. Небо теперь было чистым. Звезды освещали ей путь. Создание Творца выглядело невероятно красивым.

Было тихо как в могиле. Однако ей следовало быть осмотрительной. Она завела машину и неторопливо выехала на главную дорогу. Никогда нельзя чувствовать себя в полной безопасности. Кто-то мог куда-нибудь направляться по рабочим делам, можно было наткнуться на пары влюбленных, катающихся на автомобиле до глубокой ночи. Но сейчас не было видно ни души. Казалось, будто высшие силы покровительствовали ей этой ночью.

У Марии уй Гайлаходни разболелась голова, когда она вернулась из школы. Она пустила холодную воду из крана и достала из шкафа большой стакан. Помочь ей должны были две таблетки панадола и минутка отдыха на диване.

Тяжелым зимним ноябрьским утром, когда вся семья вышла из дому, на улице было темно и холодно. Близнецы, учившиеся в четвертом классе, уже подросли и могли самостоятельно ездить на учебу на автобусе. Поул отвез в школу Марию и их дочь-девятиклассницу. Маленькая Воар, которой было шесть лет, комфортно сидела на заднем сиденье в машине и болтала со старшей сестрой. Это были короткие, суетливые, но приятные дни. Важно радоваться всему в жизни в свои лучшие годы, но прежде всего – детям, пока они маленькие. Воар еще ходила в детский сад, но уже следующим летом¹⁰ ей предстояло начать учиться в школе. Поулу нравилось подолгу возить младшую дочку с собой в машине по утрам, перед тем как

¹⁰ На Фарерских островах учебный год в школах начинается во второй половине августа.

часов в девять он направлялся на работу в банк. Воар была избалованной, и папа крайне обрадовал ее, пообещав после работы сходить со всеми детьми в бассейн.

Когда после педсовета Мария во второй половине дня вышла на заасфальтированную парковку, уже начинало темнеть. Давний коллега по работе, живший на одной с ней улице, предложил ее подбросить. Мария вернулась в свой пустой и тихий дом. Лучше и не бывает. Она улеглась на мягкий и широкий, обитый кожей диван в гостиной и завернулась в плед, сразу почувствовав себя лучше. Среда была самым длинным и напряженным днем в расписании. По четвергам же Мария начинала работать только с третьего урока.

Хотя школа в последние годы серьезно изменилась, Мария вся отдавалась работе. Она приходила в новое школьное здание Норвуйка спокойной и хорошо подготовленной. Мария прекрасно относилась к ученикам, а те отвечали ей взаимностью. За все прошедшие годы она – сначала в качестве ученицы, а потом учителя – познакомилась почти со всеми жителями такого маленького городка, как Норвуйк.

Мария задремала, наслаждаясь покоем и мыслью о том, что утром в четверг ее рабочий день начнется лишь в половине десятого с дежурства на школьном дворе. А вечером вполне можно было сходить в вязальный клуб у Аниты.

Мария уже продремала какое-то время, когда почувствовала, что над ней с серьезными лицами стоят дети и муж Поул, держащий в руке телефон. Мария сразу поняла: что-то случилось. Сон моментально улетучился, когда она взяла в руки телефонную трубку.

Поул уй Гайлаходни дал Марии поговорить наедине с ее двоюродной сестрой Боргарьёрт, дочерью Трёндур. В том, что случилось несчастье, не было никаких сомнений.

Сердце громко стучало в груди. Она не могла заснуть. Со лба тек пот, и она откинула с себя тяжелое одеяло. Весь вечер она металась взад-вперед. Будет трудно установить, кто совершил убийство. В этом она была убеждена. Настолько аккуратно она осуществила задуманное. Теперь оставалось надеяться, что Халлвин еще пролежит мертвым день или даже два, пока это загадочное происшествие не станет темой каждого кофепития или вязальной посиделки.

И как воспримут люди эту ужасную новость? Будет ли это ударом для семьи? Вряд ли. Проронят ли слезу старые друзья и те, с кем он ходил в море? Вряд ли. Будут ли плакать его маленькая дочь и бывшая жена?

Нет, скорее всего, не будут.

У нее не было никаких причин ни для угрызений совести, ни для страха. На ее совести числилось не так уж много грехов. Она не крала, не обманывала, не прелюбодействовала, не лгала, не ругалась, не была агрессивной, несправедливой, фальшивой или осуждающей. Ее единственным проступком было то, что она убила человека. И что ей предстояло лишить жизни одну женщину. Но это ей наверняка простится.

Она спокойно натянула одеяло до подбородка. С губ слетело беззвучное короткое «спасибо». Теперь она могла безмятежно заснуть. Самая серьезная проблема ликвидирована. Больше не нужно торопиться. Терпение и контроль над собой помогли ей далеко продвинуться в жизни. И она знала, какой день календаря отмечен красным крестиком. Который принесет смерть в вязальный клуб.

Ветряки в районе Хюсахэайи огромными лопастями захватывали колкий северный ветер, в то время как моторы на неэкономичной дизельной электростанции Сундверчи работали в жару, чтобы произвести достаточно электричества для обеспечения чрезмерного потребления энергии по всей стране. В этом году в Норвуйке по обыкновению повесили гирлянды вдоль красивой торговой улицы в центре города. Все жители города стремились украсить въезды к себе во двор, окна и ворота гаражей либо цветными лампочками, либо мерцающими Санта-

Клаусами. До Рождества оставалось больше месяца, и Норвуйк начал походить на город-миллионник. Если ты не знал про этот городок и попал сюда в первый раз, ты бы вряд ли поверил, что количество жителей в этом отдаленном уголке Северной Атлантики недавно лишь чуть перевалило за пять тысяч человек.

Такое впечатление создавалось в основном из-за того, что большой и принарядившийся город хорошо вписывался в пейзаж, обрамленный огромными горами, на чьих верхушках после пришедших с северо-востока осадков появились белые шапки. На горном склоне дом к дому жили люди богатые и крупно задолжавшие. Веселая молодежь и грустные старики. Романтики и те, кто бьет своих жен. Духовные люди и мирские. Либеральные и нетерпимые. Эстеты и полностью индифферентные. В съемных квартирах в старой части города пытались сводить концы с концами обладавшие ограниченными финансовыми возможностями пенсионеры, одинокие, иммигранты и студенты. Большинство же жителей имело достаточно средств для себя и близких. Они жили привычным укладом в этом благословенном и красивом крае, где на протяжении веков находилось место и для невежественного, и для просвещенного человека. Жизнь шла своим чередом, хотя в середине недели на широких улицах города обычно можно было увидеть совсем немного людей. Перед экраном сидело новое поколение молодежи, смотревшее английский футбол, в то время как женщины приятно проводили время в вязальных клубах, откуда потом выходили теплые носки, свитеры и истории, становившиеся частью жизни родного города.

* * *

Бьёрг Бенити бежала трусцой через город. Она не обращала внимания на случайных водителей, которые намеренно снижали скорость, чтобы поглазеть через окно на хорошо сложенное тело, элегантно парящее над асфальтом. По правде говоря, ей это было до лампочки. Бьёрг в своей жизни неоднократно выходила за установленные рамки. В личной жизни и в общении с местными. Она была женщиной, обладающей чувством собственного достоинства и интеллектом, а также желающей находиться в отличной форме. Вернувшись домой из Лондона, где Бьёрг пять лет изучала экологическое право и набиралась опыта работы в большом городе, она проработала три года юридическим советником в сфере охраны окружающей среды и технологий на продовольственном предприятии «Ферья Матвинна» в Норвуйке.

Бьёрг бежала против ветра, который развеивал ее длинные светлые волосы. Во время ежедневных пробежек ее голова отдыхала от лишних мыслей. С каждым шагом Бьёрг вдыхала чистый свежий воздух, который в ту же секунду распространялся невидимыми молекулами по всему телу и доходил до мозга, где рождались новые мысли и идеи.

Можно было спросить, могла ли такая космополитичная женщина с мужем совсем другой культуры и морали закрепиться в небольшом городке на краю земли, где половина жителей верила, что миру шесть тысяч лет и что все на этом свете испортили дьявол с Мухаммедом?

Поучившись и пожив в одном из наиболее привлекательных городов мира, она не планировала возвращаться домой на Фареры. Она вышла замуж за Салара Бенити, сына египетского торговца из Насра, небольшого пригорода Каира, которого отец направил в Лондон изучать международную политику и экономику. У супругов родилось двое детей. По окончании учебы Салара отец намеревался прислать ему еще денег, чтобы тот как самый одаренный ребенок в семье дополнительно получил высшее музыкальное образование и стал пианистом, к чему Салар имел способности с раннего детства.

За то, что Бьёрг присоединилась к вязальному клубу у Аниты, следовало прежде всего благодарить Ронью. Хотя Бьёрг и Ронья не учились в одном классе, они очень сдружились после школы, когда обе занимались спортом и ходили в театральный кружок. По окончании десятого класса они вместе любовались фьордом, находясь на пароме или автобусе по пути в

гимназию, а потом вдвоем ходили на незабываемые вечеринки в городе, которые они нынче не могли вспоминать без смеха.

Бьёрг уже пробежала более шести километров, но для нее этого было мало. Не сбавляя скорости, она повернула на дорожку, пролегающую вдоль берега моря. Дистанция между столбами, благодаря которой Бьёрг могла измерять пробегаемое расстояние, была большая, но ее это не смущало. В хороших кроссовках, с налобным фонариком и в куртке с отражателями она могла с легкостью бежать по красивой и почти свободной от машин улице Старый Шоувар-вегур... Однако Бьёрг не ожидала на пробежке, во время которой собиралась снять стресс, встретить скорую и полицию!

В доме у Стайна случилось что-то серьезное. Дом Халвина был огорожен полицией. Одному богу известно, что случилось! Бьёрг постоянно оглядывалась, пробегая мимо кладбища. Может быть, ей уготована роль разносчицы плохих новостей в вязальном клубе сегодня вечером?

Бьёрг побежала, тяжело дыша, по верхней улице в сторону дома. Как будто за ней гналась смерть.

Когда-то все было прекрасно. У нее появилась своя комната, покрашенная в розовый цвет, а папа купил ей белую кровать принцессы, которую сам тщательно собрал. У папы было хорошее настроение, и он добродушно говорил об этом великолепном замке, где его любимая большая дочка теперь будет жить как настоящая прекрасная королева. В небесной красоте кровати она будет хорошо и спокойно спать по ночам. Маленькая лампа освещала мягкую подушку, где сидел милый бурый медведь, уставившийся перед собой. Это было ее царство, и здесь она могла командовать всеми куклами, плюшевыми медведями и другими игрушками, стоявшими в больших корзинах на полке в ряд, простиравшийся до подоконника. В углу стояло несколько ящичков, набитых детскими книгами, бусинками и красками. У нее был и свой собственный столик, который она могла сервировать красивым набором чашечек, подаренным ей бабушкой на Рождество. Во встроенном шкафу висели ее любимые платья и куртки, а в ящиках шкафа лежали рубашки, блузки, нижнее белье и чулки. Папа повесил на стены картинки, а мама сшила ей занавески с маленькими тесемками, идеально подходившими к разноцветной постели.

Она была счастлива в своем кукольном домике, в этом маленьком мирке. Радостная, довольная собой и благодарная. У нее были прекрасные родители, хороший брат, добрые бабушки и дедушки, а также всемогущий отец Иисус в сердце.

Все это время мама оставалась дома и ухаживала за младшим братом. Она хлопотала весь день по дому. Убирала, стирала и готовила. Папа работал в городе, но обычно возвращался домой ранним вечером. Она была еще маленькая, но уже знала звук автомобиля и могла расслышать, как папа открывает дверь. Он всегда заходил осторожно. Почти крадучись. И имел свои привычки. Всегда вытирал ноги о коврик в коридоре, разувался и аккуратно ставил обувь на место. Если папа ходил в туалет, то запирали за собой дверь. Ему нравилось, что стол уже накрыт, а в доме чисто и убрано. Как казалось, именно на папе лежит ответственность за то, что все так и должно быть. Он выглядел довольным и одобрительно кивал маме, когда осведомлялся, чего такого вкусного она приготовила на ужин. Поскольку готовка еды находилась в надежных руках, можно было уделить время и детям. Папа обычно спрашивал, слушалась ли она взрослых и хорошо ли себя вела, после чего гладил ее по голове. Потом он подходил к брату и поднимал того с пола. Говорил, каким большим и тяжелым вырос сын, подбрасывая его немножко вверх, в то время как тот радостно размахивал руками и ногами. Она выучила главное правило: днем дома хозяйничала мама, вечером – папа, а ночью – Бог.

Она помнила случай, когда спала одна в своей новой комнате. Мама прочла ей сказку на ночь. А папа помолился с ними вместе. Ее благословили, и ночь перешла в руки Бога.

Она чувствовала себя в надежных руках и любви. Какое-то время она лежала под жарким толстым одеялом и смотрела на ангелочка, висевшего у нее на груди, пока постепенно ее глаза не начали слипаться и она не задремала. Ей приснился отец Иисус, который вместе с ней играл в куклы. Внезапно она проснулась из-за странного звука в доме. Послышалось чье-то громкое дыхание, как будто ворчала собака или кто-то задыхался после бега. Она испугалась. Выскочила из постели и спросонья побежала к родителям, где обычно по ночам находила утешение и защиту под боком у мамы. Но в эту ночь папа, высунувшись по пояс из кровати, не впустил ее в комнату и прогнал обратно к себе. Она ведь уже большая девочка, и у нее есть своя комната. А Иисус заботится о своих детях даже ночью. Это ей уже пора было знать. Наверняка она просто проснулась от дурного сна. Ничего другого не оставалось, как послушаться и идти обратно ложиться под одеяло принцессы. Теперь в доме не было слышно ни собак, ни дыхания. Разве что какой-то непонятный звук из комнаты родителей. Как будто они дрались понарошку или щекотали друг друга.

Анита порезала дыню и авокадо на ломтики и полила сверху лимонным соком.

Рецепт она знала наизусть. Анита была чемпионкой вязального клуба по готовке легкой и аппетитной еды. А на вечер в программе значился салат и ассорти из фарерских морепродуктов, которые всего лишь неделю назад ползали по морскому дну или плавали в пучине родного океана, пока не попали в ловушки, расставленные в Рекавуйке.

Анита отломилла клешни омаров и вынула вкусное мясо из мидий, аккуратно положив все это на блюдо. Фареры всегда были невероятным кладезем, подумала она про себя, открывая стальную дверь американского холодильника, где хранила свежую китайскую капусту, французскую горчицу, а также простоквашу, которую полагалось употреблять в качестве заправки для салата. Анита смешала ингредиенты и, добавив соль с перцем, попробовала получившееся на вкус. Она взбила сливки для торта, пользующегося у всех популярностью. Предполагалось, что он пойдет на десерт после блюда с раками.

Анита еще раз посчитала тарелки и достала из красивого кухонного шкафа чашки и блюдца. У нее был красивый белый сервиз «Роял Копенгаген» с узкой красной каймой, хорошо подходивший к зимней скатерти с маленькими сердечками. Анита знала, кто из подруг где сидит. У Марии, Йоурун, Роньи, Бьёрг и Лины были свои постоянные места. Считая хозяйку, сегодня вечером за овальным столом усядутся шесть участниц клуба.

Пока Анита хлопотала, она думала о Мари Май, бывшей жене Халлвина, которая раньше жила в Норвуйке. Они виделись несколько раз в магазинах и в городе, и каждый раз эта женщина выглядела все более неуверенной и дерганой. Казалось, будто кто-то дышал ей в затылок. Особенно когда Халлвин был дома. В такие моменты она едва осмеливалась останавливаться и здороваться с людьми... Несчастная голубоглазая Мари Май, которой потребовалось получить много синяков под глазами и следов от побоев, пока она не нашла в себе силы вырваться из этого изначально мертворожденного брака. Мари Май уже, наверное, получила известие – интересно, как она его восприняла? Будет ли четырехлетняя девочка скучать по папе, лишь изредка появлявшемуся дома и вообще не выказывавшему особого интереса к своей дочери?

Хватит, опять она думает о плохом... Анита ужаснулась ходу своих мыслей. Но не годилось оставлять все как есть. Наверняка Мария что-то уже знает про события того вечера. Ведь она и Халлвин были кузенами. Мария, вероятно, уже получила эту трагическую новость. Интересно, что она расскажет в вязальном клубе? Если верить мужу Аниты Йоакупу, в числе первых прибывшему на место преступления, полицию вызвали после трех часов дня...

Ближних убитого наверняка сразу же поставили в известность. Однако двоюродных братьев и сестер, едва общающихся друг с другом, необязательно причислять к близким родственникам – или как?

Вести о смерти разносятся быстрее звука – событие уже не было ни для кого секретом. Знали ли что-то ее подруги? Лина, жена ее брата, во второй половине дня дежурила в больнице. Анита была в курсе, что скорая понеслась в Торсхавн с включенной сиреной. Что разузнала Ронья? Она всегда держала ухо востро.

Анита подошла к окну. На улице, ведущей к озеру Гэраватн, не было видно ни одной машины. Разочарованная, она посмотрела на часы с серебряной окантовкой, висевшие у нее на груди. Казалось, будто часовая стрелка не хотела двигаться. Было ощущение, словно наступил Новый год. И приближается потрясение от большой новостной бомбы.

В гостиной было чисто и уютно, и только Анита подумала, что гостям уже пора бы появиться, как услышала шорох шагов в коридоре. Первой вошла Лина – она закрыла входную дверь за собой и прошагала прямо на кухню, чувствуя себя как дома.

– Ох-х, хорошо, что пришла именно ты, – сказала Анита с волнением и серьезным взглядом посмотрела в глаза подруге. От нее ничего не скроешь. Если муж – полицейский, то существуют ограничения, что можно рассказывать, а что – нет... – Ты что-нибудь слышала о Халлвине и о том, что случилось? Там была полиция и скорая... Насколько мне известно... Ты же работаешь в больнице...

– Мне нельзя рассказывать об этом, – сказала Лина с загадочным выражением лица, которое могло содержать просьбу держать в секрете все сказанное далее. С тяготеющим над ней обетом молчания она не могла рассказать про случившееся более того, что любопытная собеседница уже и так знала. Но, к счастью, этого было не так уж и мало.

Анита говорила под нос, словно пытаясь проглотить свои слова сразу после их произнесения:

– Я так поняла, что его убили... – И она перешла на шепот, как будто за дверью кто-то находится.

Йоурун стояла на площадке у порога и курила, в то время как Ронья и Бьёрг вдвоем поднимались по лестнице. Они поздоровались. Йоурун не хотела слишком долго держать в себе то, что знала, и поэтому тут же спросила подруг, не видели ли они полицию и скорую у Стайна перед домом Халлвина. После этого Ронье очень захотелось услышать свежие новости, а также стрельнуть сигарету.

Подруги какое-то время просидели со спицами в гостиной. Лина расположилась в глубоком кресле рядом с полкой черного цвета, где стояли два золотых подсвечника, которые она более двенадцати лет назад подарила снохе на свадьбу. Лина знала, что Аните нравились подсвечники: они, по-видимому, изображали крепкую пару, несущую в ладонях две свечи, освещавшие уходивших и приходивших. А еще потому, что между свечами под стеклом в рамочке стояла старая школьная фотография. Снимок, который казался Лине таким милым и о котором ей раньше много чего рассказывали в ответ на ее вопросы. Истории о детстве и школьных годах в Норвуйке, в которых Лина могла узнать саму себя, хотя была на несколько лет старше девушек из вязального клуба и родом из другой части страны. Фотография была последней с пленки «Кодак», на которую Бьёрг решила снять девочек в классе Аниты солнечным днем в августе 1990 года, когда они пошли в шестой класс. Семь школьниц, так мило стоявших и державшихся за плечи друг друга, улыбаясь фотографу – им была Бьёрг, после долгих лет за рубежом вернувшаяся в вязальный клуб. Все, с кем Лина познакомилась во взрослые годы, нашли свое место в жизни и чего-то в ней уже достигли. Пятерых, с кем она регулярно встречалась в клубе, она знала, разумеется, лучше, чем Рут, Тарину и Марту, уехавших из Норвуйка. Тем не менее те охотно поддерживали хорошие отношения с одноклассницами. В этом году они все собирались на рождественскую вечеринку. И хотя Лина, будучи родом из Твёройри, чувствовала себя пришлым человеком, это ее никоим образом не стесняло. С самого первого дня она сдружилась с женщинами из Норвуйка, с которыми уже много лет пребывала на одной волне. А теперь Лина сидела рядом за красивым стеклянным столом словно джокер в покере,

когда игроки находятся в раздумьях, какие делать ставки и следует ли рисковать, имея на руках карты, выпавшие в этот вечер. Бьёрг, Ронья и Йоурун сидели в гостиной под картиной Фугле¹¹, изображающей черного вороненка в строгом деловом костюме, который, всеми забытый, одиноко уставился в пространство. Казалось, он наблюдал за детьми, которые мило улыбались отсутствующими передними зубами и играли в уютной гостиной, где туда-сюда сновала их мама Анита, хлопоча по дому и порой встречая в разговоры. Мария опаздывала. Тому были причины, и все их хорошо понимали: она собиралась зайти к сестре Халлвина Боргарьёрт. Все участницы клуба сидели как на иголках. Интересный разговор и вкусная еда могли еще немного подождать.

Женщины какое-то время были заняты беседой и вязанием, пока опять не открылась входная дверь и в гостиную тихо вошла их последняя отсутствующая подруга. Все посмотрели на нее. Она и Халлвин были близкими родственниками. Мария хорошо играла свою роль. Выглядела серьезной и полностью спокойной, она позволила любопытным глазам и многозначительному молчанию говорить самим за себя. Анита позвала всех к накрытому столу. Подруги сели, затаив дыхание. Одна взволнованней другой. Скажет ли она поминальную речь в честь своего двоюродного брата? Или просто сообщит, что Халлвин умер странным образом? Остальные женщины наверняка уже многое знали. Следовало ли ей рассказать о произошедшем? За этим столом сидели медсестра, журналистка, жена полицейского, а также Йоурун и Бьёрг, которые так или иначе тоже были в курсе случившегося – как бы странно это ни звучало...

Они все дружили. И было не так уж и мало тем на белом свете, становившихся предметом разговоров между этими женщинами. Все, что можно себе представить. Но нынешнее происшествие вышло за обычные рамки и превзошло любое воображение...

Было тихо как никогда ранее на встречах этих шестерых участниц клуба.

– Ну что, с чего мне начать? – Мария тяжело вздохнула и осторожно налила себе в чашку чай из красивого чайника с красной каймой, поглядывая на своих подруг. Она отпила горячего чаю, глотая его, как будто хотела тщательно прожевать каждое слово и всю правду. – Халлвина нашли со спицей в шее!

Она вспоминала школьные годы, когда они с братом познали, что такое позор. Почему мама сделала это по отношению к папе и к ним всем? Самой ей было всего двенадцать лет, и ей хотелось спрятаться от людских глаз.

Дома у них была холодная и тяжелая атмосфера. Родители ругались, и папа был несчастен. Утро, когда он ушел из дому, осталось в детских воспоминаниях нарисованным большими мрачными мазками. Накануне вечером мама поздно пришла домой. Она убиралась на цокольном этаже церкви. Так она говорила. Но весь город знал, что на самом деле происходило за занавесом. Вопрос был лишь в том, сколь долго этот богопослушный человек, ее отец, сможет смотреть на танец своей жены с дьяволом. Она проснулась из-за громкого шума, который звучал словно раскаты грома и ливший как из ведра дождь. Она стояла на лестнице, когда увидела уходящего отца, изо всех сил хлопнувшего дверью, в то время как мама, дрожа, стояла на кухне и с ненавистью кричала ему вслед: «Убирайся к черту, богобоязненный придурок!»

Тогда она увидела, что прекрасный сервиз бабушки лежит на полу разбитый вдребезги, а у мамы по лицу течет кровь.

Отец ушел в море. Он просто хотел вырваться прочь. Вдаль от унижения, огромного позора и сочувствующих людских глаз. Он хотел забыть о жене. Именно она согрешила и

¹¹ Эдвард Фугле (род. в 1965 г.) – известный фарерский художник-абстракционист.

нарушила брачный обет, который они дали Богу Развод стал неизбежным. Грубое нарушение супружеской верности не требовало сепарации¹². И никакого прощения.

В течение следующих месяцев она с мамой и братом жила в их старом доме. Но было понятно, что предстоит переезд. Ее оставили с матерью, искавшей квартиру в Торсхавне, а брат стал жить с отцом в Норвуйке.

Она с ужасом ждала начала каждого школьного дня. Не было никакой ширмы или защиты от насмешек, словесных уколов и безобразных прозвищ.

Ей казалось, что она сама была виноватой и причастной к произошедшему. Бог был справедлив в своих наказаниях и наверняка знал, что Он делал и какого змея впустил в школьный класс.

Мужчина, с которым переспала мама, в прошлом был футболистом и вожаком скаутов. Он заседал в руководстве школы и являлся одним из главных активистов в приходе Святой Троицы. Хотя мама была обычной уборщицей и домохозяйкой, в городе ее знали все.

Горожане в беседах между собой посмеивались, обсуждая случившееся. Однако детей этой семьи было жалко. На этом сходились все. Дети были не виноваты и совершенно не причастны к трагедии своих родителей.

Ей не хотелось больше жить, она также желала смерти этому вкрадчивому любовнику матери. Но он от нее не отставал. По крайней мере в тот момент. Он продолжал встречаться с ее матерью, хотя «пенис Святой Троицы», как его называли старшеклассники, говорил, что у него имелась другая подруга. Седьмой класс был кошмаром. Она не знала, на кого можно опереться. Какое-то время она пожила у бабушки с дедушкой, но те тоже испытывали стыд за то, как их дочь поступила со всей семьей. Атмосфера в доме бабушки и дедушки была тяжелой. Единственным реальным утешением стала Марина. Доб – рая девушка. Она давала ей надежду, уверенность в себе и радость.

Перед началом лета они переехали в квартиру в цокольном этаже в Торсхавне, где для нее тоже была комната. Мама получила работу на льдозаводе. Сама же она собиралась пойти в восьмой класс средней школы.

Ей было трудно найти новых друзей и сосредоточиться на учебе.

Она решила пожить так один год. Тем не менее она скучала по семье и друзьям в Норвуйке. Но не по школе. Некоторые из ее прежних одноклассниц завели разговор о вязальном клубе. Его первое заседание решили провести дома у Аниты. Ее лучшая подруга Марина позвонила и сказала, что ей, конечно, тоже нужно принять участие. Они собирались встречаться по вечерам каждую пятницу у. А почему бы и нет, подумала она. Благодаря этому она сможет увидеть отца с братом и погостить у них на выходных. Или даже переехать обратно на север. Может быть, жизнь все-таки стоит того, чтобы жить? Ведь в Норвуйке у нее тоже две бабушки и один дедушка. Самое плохое, наверное, уже осталось позади. Все они по-своему старались любить ее.

Спица в шее? К горлу Бьёрг подкатила тошнота. А Ронья чуть не подавилась большим куском омара. Для вязального клуба это стало новостью мирового масштаба. Все женщины посмотрели на Марию, передавшую новость из надежного источника. Было не до шуток, когда речь шла о смерти. Так что же случилось?

Как рассказала Мария, ее кузена Халлвина нашли мертвым в доме у Стайна, находившегося над Старым Шоуварвегуром. Им издавна владели семьи Трёндура, Бьярнхардура и Фриды. Планировалось, что Халлвин унаследует и заберет себе тот участок после смерти бабушки.

¹² Сепарация – раздельное проживание супругов.

Мария нанесла визит на улицу Фьядлалуи, где Боргарьёрт была главной опорой в домашних заботах еще с юных лет. От нее Мария услышала, что произошло на месте преступления и как полиция начала оперативно расследовать дело.

Старик Трёндур в среду отправился к Стайноа, чтобы убедиться, дома ли Халлвин. Они ничего не слышали от него уже много дней. Халлвин находился в поездке по Дании, но должен был вернуться домой на прошлой неделе. В гостиной отец увидел страшное зрелище. Халлвин лежал на полу, в шее у него торчала спица...

Присутствующих охватил ужас. Какое-то время стояла мертвая тишина. Потом начались вопросы, догадки, разговоры. Анита дрожащей рукой отставила от себя чашку. Она не могла поверить в услышанное, хотя на самом деле уже знала, в том числе из рассказа мужа накануне вечером, что Халлвин убит у себя дома.

– Это не может быть самоубийством?! Или несчастным случаем? – поинтересовалась она.

– Одному богу известно, – сказала Мария серьезным голосом. – Я этого до сих пор не понимаю. Точно известно лишь одно: на Халлвина совершено покушение и он убит. Я, наверное, и так рассказала слишком много?! Судя по всему, это сообщил Боргарьёрт мой дядя по матери Трёндур. Моя двоюродная сестра – как открытая книга... Она это явно унаследовала от своей матери... у них дома помимо меня были и другие люди, когда Боргарьёрт почти безостановочно рассказывала об этом ужасном преступлении. За что купила, за то и продаю: то, что Халлвин был заколот спицей. Это, судя по всему, увидел собственными глазами Трёндур. Удивительно, что он в этой ситуации смог сохранить такое ясное сознание, – добавила Мария, посмотрев на своих подруг, и продолжила: – Это очень подозрительно. Но обвинять его в чем-то я буду только в самую последнюю очередь. Сама я не смогла с ним поговорить. Он был совершенно убит горем. Ходил по дому как призрак. Бледный и с окаменевшим лицом. Трёндур к тому же не самый легкий в общении человек...

Мария немного помолчала, сохраняя серьезный вид. Она покачала головой и прикусила губу. Ей хотелось одновременно плакать и смеяться. Все подруги знали это. Сама Мария не была в восторге от своей родни по материнской линии. А особенно от Халлвина. Еще в юные годы он, будучи на четыре года старше ее, всегда был ходячей проблемой в своем хулиганском классе. Эгоистичный и бессовестный. Однако у Халлвина был хорошо подвешен язык, и он был не лишен шарма. Халлвин вел себя совершенно равнодушно по отношению к другим людям. Он был похож на отца. А еще больше – на дядю по отцовской линии, Бьярнхардура. Душой и телом.

Ронья и Йоурун вышли на улицу покурить. Убийство спицей в Норвуйке. Халлвин убит. В это нельзя было поверить. Они ходили с ним в одну школу. Халлвин встречался с Анитой в юные годы. Несколько месяцев. Но он никогда не относился к числу лучших сыновей Бога. Халлвин обладал сложным характером и мог вести себя совершенно неподобающе. В последние годы он плавал на норвежском судне. Один месяц в рейсе и столько же дома. Говорили, что он вроде взялся за ум, после того как пошла молва о Мари Май, которую подобрали ночью на главной дороге с дочерью на руках. Она, несомненно, тоже должна была оказаться под подозрением.

Бедная Мари Май. Она поступила так глупо, выйдя за Халлвина. Однако ей хватило ума от него уйти. Мари Май забрала с собой дочку и отправилась жить к матери в Эстурвоавур.

Ронья знала, что поначалу Халлвин угрожал Мари Май, требуя предоставить ему возможность видеть дочь и бывать с ней вместе, когда он не в рейсе. Халлвин хотел, чтобы все делали только так, как подходит лично ему. Его интерес к дочери не был таким уж серьезным. Трудно сказать, было бы все по-другому, если бы родился мальчик, которому пришлось бы остаться с отцом. Халлвин никогда не относился с уважением к женщинам, или «слабому полу», как он их называл. Женщинами управлял мужчина. Так было написано в Библии.

Однажды вечером она читала книгу, которая была записана людьми под Божественным вдохновением. Данное писание содержало истину о сотворении мира и жизни на Земле. Так говорил их учитель в школе на уроках христианства. И это она выучила с детских лет дома в семье. Раньше перед тем, как сесть за стол, домочадцы пели благодарственную предобеденную молитву, прося доброго Отца на небе благословить их хлеб насущный. Когда она ложилась спать, ей рассказывали истории о всевидящем и всеслышающем отце Иисусе, считавшем удары сердца на протяжении всей ночи. Как и почти каждый второй ребенок в Норвуйке, она ходила в воскресную школу в приходском доме «Салурин». Там она услышала рассказ о том, как непокорный человек выступил против Бога. Это произошло спустя лишь несколько дней после того, как Бог сотворил небо и землю, всех зверей и цветы, когда все являлось таким совершенным. А из ребра мужчины, Адама, Господь сделал женщину, Еву, которой полагалось жить с Адамом в красивом саду Эдем. Все было бы прекрасно, и все могли бы оставаться в раю, если бы не змий, на самом деле являвшийся дьяволом, – он соблазнил Еву взять плод, который Бог запретил им пробовать.

Впрочем, Адам и Ева могли вести себя как им хотелось и есть все другие фрукты в саду, однако змий совратил их, предложив отведать от дерева мудрости, чтобы они стали такими же сведущими, как и Бог.

Ева не захотела слушаться Господа. Согрешив, она заманила и Адама, чтобы тот тоже согрешил. Тогда они обнаружили, что были нагими, и, устыдившись, попытались скрыть некоторые части тела. Но Бог все увидел. Он был строг и справедлив, дав им суровый, но заслуженный приговор за то, что не послушались его предписаний.

Ей хотелось потрогать ту часть тела, которую Ева пыталась скрыть фиговым листком, но в тот же момент почувствовала стыд. Руки остались лежать на одеяле, и она принялась листать дальше до следующей закладки, лежавшей в пятнадцатой главе третьей книги Моисея. Там речь шла о Боге, презиравшем девушек с месячными. Они были нечистыми, и никому не разрешалось их трогать. Ткань или стул, где сидела такая девушка, а также ее одежды были осквернены кровью.

Она сложила руки вместе и начала молить Бога простить ей все дурные мысли и то, что мама сделала по отношению к папе. Она дошла до девятого стиха двадцать первой главы, после чего закрыла книгу.

«Если дочь священника осквернит себя блудодеем, то она бесчестит отца своего; огнем должно сжечь ее».

У полицейского участка рядом с бухтой Лаксавуйк весь вечер было большое движение. На север страны в Норвуйк приехали двое сотрудников отдела уголовного розыска из Торсхавна, чтобы принять участие в расследовании дела об убийстве Халлвина. Они поехали за машиной скорой помощи, направлявшейся в Национальную больницу позднее тем же вечером, когда в результате обследования трупа было подтверждено, что тело принадлежит Халлвину. Как показало вскрытие, он стал жертвой нападения и получил травмы, несовместимые с жизнью.

На участке остался старый полицмейстер Карл оа Стё и его наиболее вероятный наследник Йоакуп оа Тром – они обсуждали дальнейшие шаги.

В Норвуйке обычно не случалось преступлений с летальным исходом. Тем не менее в последние годы случилось несколько серьезных происшествий. Однажды вечером молодые люди без видимой причины напали на оказавшегося в городе российского гандболиста и прыгнули его ножом, из-за чего он впоследствии был вынужден уйти из спорта. В заголовки также попал случай, когда женщина средних лет в попытке убежать от своего сумасшедшего мужа выпрыгнула из окна комнаты, находившейся на третьем этаже, и получила травмы, от которых скончалась спустя несколько дней.

Были и другие проблемы, добавлявшие этим старательным полицейским седых волос. Нераскрытые дела. Ходила молва, что месть являлась причиной смерти одного успешного бизнесмена, сгоревшего в своем доме. И Йоакуп не мог исключить, что речь шла о намеренном преступлении, а не случайном происшествии, когда одна совершенно обычная и жизнерадостная девушка утонула в заливе прекрасной летней ночью. Но если не находятся доказательства и никто не признает себя виновным, в правовом обществе невозможно предъявить кому-либо обвинения.

Йоакуп налил полицмейстеру кофе в большую чашку и долил себе остатки, оставшиеся в кофеварке.

– Нет никаких сомнений в том, что убит Халлвин Трёндарсон¹³. Вопрос лишь в том, кто совершил это злодеяние. К сожалению, отец не вызвал нас, прежде чем пошел на место преступления в поисках сына. Отпечатки пальцев и главные улики могут быть уничтожены. Хуже всего то, что об этом событии начали говорить уже сегодня вечером. Завтра утром наверняка новость будет в красках обрисована в СМИ.

Карл оа Стё кивнул в знак согласия. Он пережил и повидал предостаточно за все годы, в течение которых стоял на страже закона в этом самом северном регионе Фарер. Но времена меняются, и криминалитет выходит за границы отдельных городов. Жители Норвуйка – честные и очень мирные люди, как всегда утверждал Карл. Но жизнь научила старого полицмейстера, что нельзя судить о людях по внешним признакам. Ненависть и жажда мести могут глубоко укорениться в человеке. И под красивой оболочкой нередко может жить фальшь.

– Тот, кто вынашивает планы мести, держит свои раны открытыми, – заметил Карл и спокойно добавил: – Преступление могло быть совершено и врагом, и другом. Потому что злоба, как правило, бывает искренней, чего часто нельзя сказать о дружбе.

Йоакупу нравился Карл. Он умел давать хорошие советы и не бежал впереди паровоза. Возможно, Карлу следовало стать не полицейским, а учителем.

Это был отвратительный день. Но сегодня вечером больше ничего не произойдет. Лучше всего отправиться домой к жене. К ней в гости пришли пять любознательных подруг по вязальному клубу. Возможно, Анита знает больше, чем полиция.

Лина осталась ненадолго у сестры мужа, после того как все остальные подруги уже ушли. У них с Анитой имелось много общего и полным-полно тем для обсуждения. И, наверное, не обо всем из этого они посмели или захотели бы рассказать в клубе. Анита не могла отрицать, что муж иногда посвящал ее в детали полицейских расследований, хотя это было скорее исключением, чем правилом. Лина благодаря своей работе в больнице тоже была осведомлена о шокирующих происшествиях и заболеваниях. Но к обету молчания следует относиться со всей серьезностью. По крайней мере так считается!

Анита медленно убирала со стола, ставя чашки и тарелки одну за другой в посудомоечную машину и одновременно повторяла про себя... Нет, она так и не могла представить, что Халлвин мертв, было так странно и неприятно думать, что его кто-то убил. К тому же Халлвина закололи длинной спицей, если верить Марии, которая узнала это от Боргарьёрт, рассказавшей, что ее отец увидел на месте преступления.

– Значит, это не может быть самоубийством? – вырвалось у нее, в то время как она снимала скатерть со стола.

Лина не поняла вопрос. Она размышляла над тем, что увидела собственными глазами, когда два санитара с трудом несли тяжелые носилки с Халлвином в морг около половины пятого. Главный врач Петерссон быстро произвел над телом необходимые действия, после чего оно было отправлено в Торсхавн.

¹³ Халлвин, сын Трёндура.

Увиденное прочно закрепилось у Лины на подкорке. То, что случилось, не относилось к заурядным происшествиям. Даже для видавшей виды медсестры. И совершенно ничего такого, что можно было бы в подробностях обрисовать в вязальном клубе. Другое дело – обсуждать то, что Мария услышала от сестры Халлвина. Или что другие видели и слышали в течение дня. Но теперь она набралась решимости рассказать об этом.

– Пускай это будет между нами, – сказала она под конец и посмотрела на Аниту, которая облокотилась о стол и кивнула с серьезным видом. Что означало: мне ты можешь доверять, какую бы тайну ты ни рассказала – она не покинет пределы этого дома.

– Да, все, что рассказала Мария, верно. Кто-то проткнул ему спицей сонную артерию. Речь не может идти о самоубийстве или каком-то необычном несчастном случае. В теле Халлвина была еще одна спица, прошедшая через грудь в сердце. Я не большой спец в этой области, но это могли быть спицы из жесткой стали, очень похожие на те, которыми наши матери и пожилые женщины вязали в старые времена... – Лина показала указательными пальцами длину. – Заостренные и примерно седьмого размера... Разумеется, не очень приятно оказаться у них на пути!

Анита стояла как будто прибитая к полу. Ее однокласснику и любовнику из юности, на протяжении многих лет являвшемуся предметом обсуждений во всех вязальных клубах в городе, теперь кто-то проткнул спицей шею. А другую – воткнул в сердце. Ей потребовалось присесть. Затылок покрылся холодным потом. По всему телу прошла дрожь.

– Ты останешься у нас на ночь? Вот-вот придет Йоакуп.

– Нет, я скоро уже пойду домой. Но сегодня запру на ночь дверь. Не потому, что обычным людям есть чего бояться... Но не очень приятно, когда случается такое. – Лина посмотрела Аните прямо в глаза и попыталась снизить накал эмоций в беседе. – Ты знаешь это сама: Халлвин ходил по лезвию бритвы, и, кто бы ни был убийцей, я надеюсь, что твой муж и его коллеги-эксперты раскроют это дело в ближайшее время. Но я должна признаться: не очень приятно думать, что по Норвуйку свободно ходит убийца.

Лина встала и посмотрела на улицу, где было совсем темно. Ей захотелось размять ноги и дать крови свободно растечься по сосудам. Вообще-то крови Лина не боялась. Так как она работала медсестрой, у нее были крепкие нервы. Аварии, болезни и естественная смерть являлись частью работы Лины. Но то, что сейчас случилось, казалось таким нереальным. Как будто дурной сон. Тем не менее это не должно было положить конец всему доброму и приятному, что последний месяц перед Рождеством несет людям в соответствии со своим обычным расписанием. Поэтому она спросила прямо:

– Предрождественская вечеринка, Анита. Надеюсь, с ней все без изменений, не так ли?

– Да, конечно. Убийство Халлвина скоро раскроют. А жизнь продолжается. Тебе не кажется, что третье декабря уже позади? – Анита не стала дожидаться ответа и сказала с сарказмом: – Все дамы, когда-либо бывавшие в этом клубе избранных, получили приглашения, но никому не будет позволено брать с собой спицы!

– Нам всем надо будет отдохнуть от вязания, – изрекла Лина смеясь.

Она начала собираться перед уходом.

В ночи раздался шум проезжающей машины.

Мама сказала, что ей следует ехать. И Марина тоже безостановочно приглашала ее на север попригласовать на первом вечере вязального клуба, когда все девушки в классе собирались встретиться у Аниты.

С некоторым неприятным чувством на душе она вошла с рюкзаком в большой синий автобус и, пройдя мимо множества пассажиров, заняла место у окна в предпоследнем ряду. Ей было непривычно путешествовать одной между Торсхавном и Норвуйком. Наверное, будет странно увидеть всех снова. Хочется надеяться, что они не начнут задавать слишком много

вопросов или отталкивать ее от себя. Время не повернешь вспять. Она думала о том добром времени, когда у родителей все было хорошо и семья жила вместе. Как, интересно, сейчас идут дела у папы?

Казалось, как будто мама очень хотела, чтобы она уехала, наверняка планируя использовать уик-энд для самой себя. С загадочно сияющими глазами мама сунула ей стокроновую купюру в карман и поцеловала на прощание.

– Передай привет младшему брату, и да хранит тебя Иисус. Теперь мы увидимся уже в воскресенье вечером.

Она помнила, что отец встретил ее у паромного причала. Но он был на удивление молчалив в машине. Ей тоже не хотелось говорить слишком много слов. Хуже всего было то, что он не поцеловал, не обнял ее, когда она сошла с парома на причал.

Они ехали по темной и широкой дороге. Мимо проносились дома, автомобили и люди. Папа смотрел перед собой, и ей не хотелось встретиться глазами с кем-либо из знакомых, что вынудило бы ее приветствовать их.

Почему папа сегодня такой немногословный? Раньше он таким не был. Разве он совсем не рад снова встретить свою дочь? Она совершенно не виновата в том, что родители больше не живут вместе. Или же все-таки в этом есть и ее вина?

Анита пожелала Лине доброй ночи, зажгла две рождественские звезды, придавшие гостиной уютный вид, и поставила блюдо с раками на кухонный стол. Она знала, что Йоакуп на подходе и, как можно было предположить, у мужа аппетит сейчас будет лучше, чем тогда, когда он забегает домой на ужин, только лишь чтобы сказать семье, что будет занят на работе в полиции до позднего вечера.

Анита увидела в окно подъезжающую машину. Она зажгла свет и вздохнула с облегчением. Анита была одна дома с двумя детьми и по понятным причинам немного нервничала в сложившейся ситуации. И хотя время приближалось к половине второго, ей совершенно не хотелось спать. В теле еще резонировал этот странный день, богатый на события... Анита чувствовала себя не в своей тарелке. Воспоминания о Халлвине не отпускали ее, чувства были обострены. Молодой, но опытный учитель, с кем Анита имела свои первые любовные приключения, не выходил у нее из головы. Ее преследовали мысли о том вечере, когда Халлвин пригласил ее покататься с ним на машине. С колотящимся сердцем и опьяненной головой она сидела рядом с этим красивым и элегантным юношей, решившим после поездки на причал прокатиться по потайной проселочной дороге, где после каждого бугорка и ямки, по которым они проезжали, она испытывала возбуждение. А потом он обнял ее на ничейной территории, где не было никакого контроля, а вместо него – лишь одни страсти.

Йоакуп был рад видеть жену, встречавшую его в коридоре. Его одолевали ужасные мысли, когда он ехал домой. Но теперь перед ним стояла Анита с зелеными жизнерадостными глазами и темно-русыми волосами, едва касающимися плеч. Она была в кофте с пуговицами, свободно висевшей на ее худеньком теле, а тонкая блузка с большим вырезом еще больше подчеркивала ее женственность. После двух родов и кормления грудью Анита сохранила статью и красоту. Йоакуп обнял ее и положил руку на талию этой женщины, с которой он жил и которую любил, уже отметив с ней медную свадьбу¹⁴. Йоакуп поцеловал ее в приоткрытые губы. Ах, этот благодатный язык, хотевший рассказать так много... «О-о, дорогая...» – больше Йоакуп не смог ничего произнести. Он, крепко прижав к себе, обнял жену и поцеловал в щеку и шею. Анита сегодня вечером пахла так приятно! Ее кожа и чистые волосы! Он любил Аниту больше, чем мог ей дать понять обычным образом. Ему не доставало слов. Но смерть придавала значение

¹⁴ На Фарерах медная свадьба отмечается спустя 12,5 лет после заключения брака.

жизни. Мысль о том, что он может потерять жену, его ужасала. Что она покинет всех. Внезапно найдет другого. Или тяжело заболеет. Что ее найдут убитой... Нет, этого не может случиться! Анита тоже была вся в раздумьях этим вечером. Теперь они опять вместе друг с другом. В крепкой телесной привязи.

Анита обхватила ладонями его голову и поцеловала страстно и пленительно.

– Ты голоден, дорогой? – спросила она, шепча и тяжело дыша в ухо.

– Да, по тебе, дорогая... – попытался он сказать в ответ.

Страсть держала их обоих крепкой хваткой. Анита заглянула в его глаза, прижалась еще крепче. Ходил ли Йоакуп с револьвером посреди ночи? Или было это каким-то другим, еще лучшим оружием, которое он зарядил для нее? Одной рукой Анита нащупала выключатель на стене и погасила свет. Она была крайне возбуждена. Не было необходимости произносить слова. Их тела говорили на своем собственном языке. По пути в спальню она держала руку на этом выпирающем предмете.

* * *

Слабое зимнее солнце светило так тускло, что день нельзя было назвать светлым. Мороз покрыл холодной пленкой стекла окон, а Дорожное управление предупредило о том, что по всей стране будет гололед. Те, кто поднялся рано этим утром, могли наблюдать на юге красивую планету Юпитер, которая походила на позолоченный бриллиант, висящий над горизонтом, а над островом Несой виднелась луна в четверти, отбрасывающая манящий свет на берег моря. Йоакуп только что подвез детей в школу, когда легко узнаваемая мелодия сообщила, что уже восемь ноль-ноль и диктор Йегван Свартаберг наготове с самыми свежими новостями: «Вчера в доме, находящемся на окраине Норвуйка, найден мертвым сорокадвухлетний мужчина... Поскольку от него не было вестей с вечера воскресенья, семья отправилась на поиски и нашла его в старом доме, где с прошлого года никто постоянно не жил. Полиция Норвуйка не исключает, что речь может идти о преступлении, и в настоящий момент ведет расследование дела...»

Приближается Рождество, но сейчас не до покоя. Йоакуп, ругаясь про себя, повернул с улицы Скюлабрекка на темную Норурвевур, где было активное движение. Учебные заведения и предприятия города работали в обычном режиме, как будто нынешняя шокирующая новость никого не поразила, – все куда-то спешили. Оставалось всего лишь несколько минут, чтобы заехать домой за женой. Йоакуп по большей части распоряжался своим рабочим временем самостоятельно. Аните этим утром полагалось быть в девять утра в группе детского сада «Птенцы тупиков»¹⁵, где она делала аппликации, раскладывала пазлы, пела, рассказывала истории и периодически вытирала сопли у детей, помогала им ходить в туалет или убаюкивала эти маленькие создания, нуждающиеся на протяжении длинного темного дня вдали от родителей в добрых и заботливых воспитателях, у которых хватает энергии заниматься каждым ребенком по отдельности.

Проводив свое бесценное потомство из дому, Анита и Йоакуп имели в своем распоряжении почти час, когда они могли посидеть вместе на рассвете и насладиться чашечкой кофе. Но разговор получился не столь приятным, каким обычно бывал. Убийство Халлвина нарушило привычный утренний распорядок. Лучше всего было убрать остатки еды со стола и постепенно начать погружаться в неизвестный день, полный испытаний.

В полицейском участке сидели Рита и Раннвоа. Когда Йоакуп вошел в вестибюль, они отвели глаза от экранов компьютеров и поприветствовали его, пожелав доброго утра. В

¹⁵ Тупик (морской попугай) – вид морских птиц, обитающих на Фарерах, известных характерным красным клювом.

Норвуйке совершено убийство, потрясшее всех без исключения. В том числе девушек в офисе. Они хотели поговорить о происшествии, расспросить и узнать подробности. Йоакуп ненадолго задержался. Вчера перед ним предстало ужасное зрелище. Впрочем, еще было рано делать выводы и строить догадки о причине произошедшего. Но город уже никогда не останется таким, каким был ранее. В этом Йоакуп согласился с девушками. Он кивнул им, и едва заметная извиняющаяся улыбка появилась на его симпатичном лице. Да, это ужасно, и никто из нас не может в это поверить. Ну ладно, хорошего вам дня!

Йоакуп пошел по направлению к переговорной комнате. Очевидно, старый полицмейстер рассказал какой-то смешной анекдот, потому как, когда Йоакуп открыл дверь, присутствующие еще смеялись. Трое полицейских – Груймур Гуллаксен, Бирита Сувурнес и Карл оа Стё – не выглядели слишком озабоченными нынешней ситуацией. Все было похоже на вполне обычный четверг. Разговор проходил в непринужденной обстановке. Йоакуп, пожелав всем доброго утра, уселся за стол. Карл все еще был главным, и именно он давал указания коллегам.

Полицейстер откашлялся и внезапно насупился, после чего продолжил:

– Давайте теперь приступим непосредственно к делу. Речь идет о серьезном происшествии, совершенно неожиданно потрясшем наш тихий город Норвуйк. Известно, что убит Халлвин, новость о чем уже обошла всю страну... Убийство не входило в число задач, которые я хотел бы решать перед выходом на пенсию: я сейчас считаю недели до последнего рабочего дня. Но с какой стороны ни посмотри... – Карл оа Стё взглянул на Йоакупа, потом на Груймура и уставился, не отводя глаз, на Бириту. Он в первый раз за все годы работы в полиции говорил, положа руку на сердце. – С какой стороны ни посмотри... И здесь я не думаю о своей работе или о том, какую я после себя оставлю память, которую по-любому уже не улучшишь.

Полицейстер сделал попытку улыбнуться. Но выражение его лица тут же опять стало серьезным, и он продолжил:

– Нет! При всем уважении к Халлвину, лишившемуся жизни, его близким и обычным невинным честным людям, проживающим в нашем городе, да и во всей стране, крайне важно как можно скорее раскрыть преступление. – Карл поднялся с кресла и прошел несколько шагов по помещению, продолжая громко говорить: – Убийца никогда, ни при каких обстоятельствах не должен получить возможность находиться на свободе в нашей стране. Убить другого человека – это самое возмутительное преступление, какое только может быть. На Фарерах люди имеют право крепко спать по ночам. А полиция призвана служить гарантией безопасности граждан. И мы не можем сидеть и ждать у моря погоды. Я достаточно времени провел на этой работе, чтобы усвоить, что подавляющее большинство убийств раскрывается в первую неделю. Иначе убийцу редко когда находят. Надеюсь, вам понятно?!

На совещании также присутствовал Груймур, никогда не придававший особой важности своей персоне. Он только что отпраздновал пятидесятилетний юбилей. Вместе с женой, детьми и одним внуком. Нет, он совершенно не был любителем застолий. За всю свою жизнь он никогда не курил и не пил. Ходил в церковь и играл в мини-футбол. И Груймур делал свою работу очень тщательно. Хорошо умел решать вопросы с людьми. А когда наступали трудные моменты и была необходимость в сильном мужчине, он умел проявлять сноровку.

Напротив него сидела Бирита, казавшаяся в маленьком, ограниченном мужском мире свежим дуновением ветра с юго-востока. Эта своеобразная тридцатичетырехлетняя женщина с легко узнаваемым торсхавнским акцентом всегда выглядела уверенной в себе. Если бы ты ее встретил в городе в субботу вечером, когда она не на дежурстве, то вряд ли поверил, что Бирита работает полицейским. Она всегда была одета элегантно и вызывающе. Часто в узких кожаных штанах и с прической, которая у многих считалась «стервозной» и слишком провокационной для такой работы. Форма Бириты – черные полицейские брюки и синяя рубашка – хорошо сидела на теле, уже кое-что повидавшем во взрослой жизни. У нее было двое детей от

двух мужей. Бирита, убежденная трезвенница, была разведена, умела не переходить границы, никогда не делала ничего противоречащего закону.

Карлу нравилась эта молодая женщина, хотя Бирита была на сантиметр или даже все два выше его. Но он уже давно научился жить со своим ростом. Гораздо большее значение имело то, что она была полицейским, пользующимся хорошей репутацией, и была уверена в своих силах. Быстрая и говорящая без обиняков. А самое главное – отличный коллега по работе.

Йоакуп посмотрел на полицмейстера, который вот-вот собирался дать ему слово. В свой без малого сорок один год Йоакуп был готов приняться за самые серьезные задачи, а также руководить процессом расследования убийства в Норвуйке. Накануне вечером они с Карлом уже говорили об этом. Теперь пробил час Йоакупа.

В девять сорок пять в дверь постучала Рита и принесла кофе и чай, а за ней вошла Ранн-воа с подносом булочек и черствого хлеба из недавно открытой экопекарни. Йоакуп отдернул тяжелые шторы, и комнату заполнил дневной свет. Он показывал коллегам на большом экране фотографии, которые снял в доме у Стайноа, где труп Халлвина пролежал на полу гостиной более двух суток. Вид убитого со спицами в шее и груди был ужасен. На столе стояло несколько бутылок пива, а на полу лежал перевернутый стул. В руке Халлвин держал телефон.

Йоакуп дал коллегам возможность высказать свое мнение и задать вопросы, а сам налил себе чаю и густо намазал маслом ломоть полезного для здоровья хлеба. Он слушал и пытался отвечать на вопросы точно, насколько возможно, параллельно рисуя на белой доске красным фломастером дом у Стайноа, стоявший рядом со Старым Шоуваревеуром, вход во двор и место, где был припаркован автомобиль. Затем он написал несколько имен и телефонных номеров людей, которых следовало допросить как можно скорее.

– Кто-нибудь что-то видел? – Йоакуп задал вопрос как себе самому, так и остальным присутствующим. – Мы знаем почти наверняка, что это случилось в воскресенье вечером. Было холодно, но погода была достаточно хорошей. Наверняка мимо проходили прогуливающиеся или кто-то совершал пробежку. Были ли эти люди внимательны – это большой вопрос. В наши времена люди видят в основном только самих себя. Также возможно, что убийца пришел сверху с улицы Оваривевур... Конечно, если речь идет об одном человеке, но об этом пока судить рано, пока не будут получены результаты криминалистических экспертиз. Но беспорядок в доме и крепкие напитки на столе указывают на возможность именно такого вывода. Телефон Халлвина использовался после полуночи. Но, опять же, пока рано судить о том, находились ли они в доме вдвоем или в тот вечер людей там было больше.

Коллеги Йоакупа внимательно слушали представленный им рабочий план.

– Нам не избежать интервью в полуденном выпуске новостей на ТВ, и в нем мы должны призвать людей, которые что-то знают или видели что-либо подозрительное, обратиться к нам. Скорее всего, придется привлечь дополнительно одного или двух полицейских для ответов на телефонные звонки и приема сообщений.

Йоакуп почувствовал, как будто полицмейстером в Норвуйке стал он, но тут его перебил старший коллега Карл:

– Узнайте, с кем общался Халлвин в последний месяц. Поговорите с его семьей. Пообщайтесь с прежней подругой Халлвина – той, с которой у него дочь. И изучите, с кем он враждовал...

Йоакуп сомневался, следует ли ему оставаться на ногах, пока говорит Карл. Тот еще не совсем закончил свою речь.

– Мы, скорее всего, получим окончательные результаты вскрытия только через несколько дней. Я нахожусь в контакте с отделом уголовного розыска в Торсхавне, который готов прийти нам на помощь. Но никто лучше нас не знает местное население и то, как следует формулировать необходимые вопросы. К нам пока что не присылают прикомандированных полицейских. Хочется верить, что мои подчиненные не хуже своих коллег в Торсхавне и за пределами

Фарер. – Под конец Йоакуп добавил: – И не забудьте... Следует проверить телефон! В воскресенье вечером Халлвин звонил в Эстурвоавур своей бывшей жене и в Норвуйк сестре Боргарьёрт.

На это Карл сказал:

– Йоакуп! Ты организуешь работу. Время идет... Мы больше не можем здесь сидеть, пока убийца находится на свободе и ему ничто не мешает совершить следующее преступление.

Она позвонила своей секретной лучшей подруге Марине, чтобы с ней поболтать. Ей хотелось куда-нибудь сходить. Дома у нее все изменилось. На кухне больше не стоял запах испеченного шоколадного торта. А в гостиной больше не было горшков с домашними цветами. Разве что оставался кожаный диван, а на стене – картина с изображением старого траулера, шкипером которого был дед. Книжная полка выглядела ужасающе пустой. Рядом с Библией стояли книги «Мой освободитель» и «Милость Господа», опираясь одна на другую, – они словно поддерживали друг друга, тогда как все остальные книги закончили свой путь в подвале или печи.

Младший брат был на каком-то религиозном мероприятии, поэтому она сможет его увидеть только на следующий день. Возможно, они вместе сходят к бабушке.

– Хлеб и молоко в холодильнике, если ты голодна, – сказал отец, не желая смотреть ей в глаза.

Был ли он таким не приветливым из-за того, что мама с ней переехала, потому что он больше не желал разговаривать с дочерью, или на него давило что-то другое?

Она так и не осмелилась его об этом спросить.

– Спасибо, я, в принципе, сыта, и мы еще поедим у Аниты. Я пойду подготовлюсь к вечеру.

Она пошла в туалет и провела там много времени. Следовало ли ей накраситься, что уже начали делать другие девушки? Что бы сказал папа, если бы он это увидел? Считалось ли грехом слишком выделяться, даже притом что многие женщины в здешнем приходе используют тушь и помаду? Но раз папа не хотел на нее смотреть, то теперь это уже не имело значения.

Спустя короткое время она уже стояла в коридоре, готовая к выходу. Ей просто хотелось выбраться из дому. Папа стоял перед зеркалом под табличкой с красивой, но почти нечитаемой надписью: «На все Божья благодать» – и смотрел на нее.

Не пытаясь выяснить, что было правильно или неправильно, она подошла к отцу и положила руки ему на плечи, заметив, что практически одного с ним роста. Это она так выросла или папа потерял пару сантиметров? Ей хотелось крепко обнять его, как любила делать в прежние годы, но он отпрянул:

– Да пребудет с тобой Иисус. И после вязального клуба сразу же домой. Помни, что Господь видит все!

Анита стояла и смотрела на большую гору одежды. Она закинула разноцветную кучу нижнего белья, носков и полотенец в стиральную машину, щедро насыпала стирального порошка в маленький отсек, закрыла крышку и повернула ручку цветной стирки на шестьдесят градусов.

В сушильном аппарате на большой скорости вращались скатерти и постельное белье. Наверное, Аните нужно было простирнуть еще несколько пар носков и выкрутить теплые свитеры детей. То, что сделано, – не вернуть. Так всегда говорила ее мать. Пока Анита вешала маленькие свитеры ручной работы на веревку, она вспомнила свое детство, когда научилась этому старому и полезному ручному мастерству, которое держит тепло и жизнь в фарерцах уже на протяжении долгих веков.

Аните пришла в голову идея создать с подругами свой собственный клуб по вязанию. Им было по четырнадцать лет, когда они, полные энтузиазма, встретились у нее дома, прихватив с собой спицы и пряжу. Вязать их учили в школе и дома. Но сидеть в одиночку со спицами – это слишком походило на старых бабушек. Юноши играли в футбол и создавали рок-группы. Почему девушкам тоже не организовать какое-то сообщество? Свой собственный вязальный клуб! Мама приготовила булочки, а сама Анита испекла в духовке свой первый торт, который был покрыт шоколадной глазурью. Девушкам разрешили сидеть в гостиной, где они были предоставлены самим себе и где находилась стереосистема со множеством пластинок. Разумеется, следовало закрывать раздвижную дверь, когда они смеялись слишком громко или включали музыку, иначе это слышалось бы по всему дому. Мама совершенно не возражала против вечеринки, потому что папы не было дома.

Анита немного сомневалась, приглашать ли всех девушек. Она больше не дружила с Тариной и Мартой и мало общалась с Рут. А Ханна со своей семьей намеревалась уехать из страны, потому что ее отец потерял работу, у родителей не было накоплений, поэтому пришлось искать работу на чужбине.

Но мама посчитала, что, если кого-то не пригласят, это создаст недовольство и склоки в классе. Если проводить вязальный клуб дома у них, то она хотела, чтобы пригласили всех девушек. В том числе и тех, с кем Анита обычно не общалась.

Это был приятный и увлекательный вечер. Они вязали, болтали, дурачились и пели. Большое блюдо с намазанными маслом булочками было быстро опустошено, а торт – съеден без остатка. Что касается вязания, то результаты были самые неоднозначные. Половины рукавов и незаконченные края остались лежать в беспорядке на диване, а Ронья чуть не села на спицы, которые Мария неосмотрительно отложила в сторону. Потом большая часть девушек устроила танцы на толстом красном ковре на полу. Анита выступала диск-жокеем, раз за разом ставя знаменитый хит *Like A Virgin* талантливой американской певицы Мадонны. А девушки, не захотевшие участвовать в дискотеке, принялись называть поп-музыку творением искусителя, намеревавшегося увести молодежь от Бога. Когда время уже давно перевалило за полночь, никто из подруг еще не собирался уходить. Пока не зазвонил телефон. Это была мама Марии. Она сидела наверху у себя в комнате и смотрела телевизор в ожидании окончания вечеринки, а сейчас хотела услышать, что случилось с ее дочерью. Девушки решили отныне встречаться каждую вторую пятницу. В следующий раз принимать клуб должна была Ронья.

Все они уже принимали вязальный клуб у себя дома, и теперь наступила ее очередь пригласить подруг домой.

Можно было расположиться у бабушки, жены деда-шкипера, которая одиноко жила в одном из самых больших и красивых домов в городе – там уютно и интересно, но это, увы, совершенно исключено. Бабушка всегда была такой привередливой, любила ее брата и других внуков, но никогда не обращала особого внимания на нее.

Не получилось у бабушки и дедушки в Бригве: там слишком мало места. И никто из них не выносил шума. Дедушка, постепенно терявший рассудок, наверняка весь вечер болтался бы по дому, спрашивая подруг, как их звать, кто их родители, бабушки и дедушки, которых он, несомненно, или знал, или приходился им дальним родственником.

Подругам пришлось расположиться у папы, хотя дома у него холодно и неприветливо. Многие из девушек ему не нравились, потому что, как он думал, они не относились к лучшим детям Бога. Он любопытствовал обо всех них, проявляя осведомленность насчет того, что, например, Ронья и Мария в выходные ходили на дискотеки. Но, к счастью, ему никто не рассказал, что Йоурун курила, а на летнем фестивале Северных островов она так упилась белым вином, что ее стошнило в гриль-баре. Не слышал он и про то, что Анита и Халлвин начали встречаться. Халлвин получил права и машину, и в его компании часто бывали девушки, когда

он ездил по ночам кататься на причал или направлялся на север через туннели, где не было никаких особых достопримечательностей, но, с другой стороны, там было темно и имелась небольшая стоянка, где под покровом ночи происходило много чего таинственного.

Она помыла полы и прибралась во всем доме, оставив на столе в гостиной открытую Библию – папа должен был убедиться, что она вдохновенно читала книгу, которую он ей подарил. Она дождалась момента и аккуратно спросила его мягким и покорным голосом, можно ли ей пригласить девушек из старого класса к ним домой в вязальный клуб в следующую пятницу. Она пообещала убраться и все устроить сама, и папа, недолго думая, это ей разрешил. Его не будет дома в те выходные. Но ей не следует допускать беспорядка дома.

Йоакуп и Бирита выехали в новехонькой полицейской машине «Мерседес С220 Стейшн-кар» и направились в Эстурвоавур.

– Это крутая машина, мечта автомобилиста, – утвердительно сказал Йоакуп.

Бирита, сидя на кожаном сиденье рядом с водителем, вытянула длинные ноги, и ей не оставалось ничего, кроме как согласиться со своим коллегой. Бирите тоже нравились хорошие и скоростные машины – адреналин и интерес к езде помогли ей в свое время сделать выбор в пользу учебы на полицейского. Поэтому Бирита не могла смотреть без усмешки на Йоакупа и спидометр автомобиля, который на скорости менее пятидесяти километров в час по пятам следовал за очень аккуратным пожилым водителем на последнем отрезке дороги из города. Всего лишь в сотне метров перед ними находился подводный туннель.

– Мечта автомобилиста, говоришь? С этим двигателем обогнать можно за три секунды. Ты пустил бы меня за руль, если собираешься тянуться за этим пенсионером всю дорогу. Ты мог бы...

Бирита не успела закончить фразу. Йоакуп решительно нажал на газ и машина, за считанные секунды набрав скорость гораздо выше ста километров, помчалась все быстрее и быстрее на пути со склона в туннель.

– Обалдеть! Вот это класс! – сказал он.

Машина ехала на шестой передаче, и Йоакуп крепко держался за руль. Дорога в подводном туннеле была одним из самых популярных участков для скоростной езды в стране. Йоакуп подумал о преимуществе работы полицейским. Ему можно было не следить, превысил ли он скорость, не опасаться проколов в правах и их лишения. Скорость дошла до ста тридцати километров, когда в самой глубине туннеля машина проехала мимо панно из стеклянной мозаики Трёндур Пэатурссона¹⁶. Когда автомобиль Йоакупа и Бириты поднялся вверх на несколько сот метров, они увидели длинную вереницу машин, тащившихся вверх по склону за большим трейлером.

– Хорошо, что я не из дорожной полиции, – сказал Йоакуп и добавил: – Часто я жалею добропорядочных водителей, которые, невзирая на обстоятельства, ездят по дорогам нашей страны на скорости ниже дозволенной.

– Да, у нас не разрешается ездить со скоростью, превышающей восемьдесят километров, и строго запрещено обгонять. Но видимость такая хорошая, мы – полицейские, а по стране ходит находящийся на свободе убийца, – сердито говорила Бирита. – *Come on, man!*¹⁷

Йоакуп выехал на левую полосу и выжал педаль газа, оставив позади трейлер, междугородный рейсовый автобус и пять легковых автомобилей.

¹⁶ Трёндур Пэатурссон (род. в 1944 г.) – известный фарерский художник, скульптор и путешественник, прославившийся, в частности, работами из стекла.

¹⁷ Вперед, дружище! (англ.)

Поездка между островами заняла чуть более трех минут. Погода в Хаймдалуре оказалась примерно такой же, как в Норвуйке, разве что здесь было пасмурней. Термометр на панели показывал пять градусов тепла и отсутствие снега на дорогах. Но он также поведал о наступлении холодной погоды со снегопадом позднее вечером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.